

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (22) 2014

www.theoreticaleconomy.info

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-42625 от 11 ноября 2010 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Вахрушев Д.С. (Архангельск, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Кальсин А.Е. (Ярославль, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Туманов Д.В. (Ярославль, Россия)

Усик Н.И. (Санкт-Петербург, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Ананьев А.А. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.info

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Содержание

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Новые шаги в развитии теоретической экономики 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев В.А. Корняков В.И. Что у нас с общественным воспроизводством и почему правительство ничего с ним не может поделать? 8

Лемещенко П.С., Лаврухина И.С. Политическая экономика в Беларуси: личности, идеи, теории 15

Длугопольский А.В. Имеет ли доверие ценность, или как социальный капитал влияет на экономику 24

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гордеев А.А. Индустриализация в СССР в оценке западных экономистов и историков советского периода 39

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ

Альпидовская М.Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях 46

Мелиховский В.М. Критика концепции сил конкуренции Майкла Портера и оценка их функционирования на рынке знаний 51

Фурманов М.И., Гордеев В.А. Современная экономика рекламы: динамика конкуренции ... 54

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Герасимова П.Е. Государственное регулирование деятельности нефтеперерабатывающего комплекса 57

Черников Т.С. Этапы парадигмального развития экономической теории в ретроспективе ... 64

РЕЦЕНЗИИ

Гордеев В.А., Корняков В.И. Рецензия на книгу Лемещенко П.С., Шумских Е.В. «Информационная экономика Республики Беларусь в контексте мировых тенденций развития» 76

Гордеев В.А. Рецензия на монографию Горбачева О.Г. «Динамика страхового капитала» 81

НОВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию очередной номер нашего журнала, четвертый (двадцать второй), который вышел в Интернет 1 июля 2014 года и которым мы оставляем позади более трех с половиной лет постоянного общения с Вами, наш уважаемый читатель.

В этом номере мы пытаемся сделать новые шаги в развитии теоретической экономики как разрабатываемого нами научного направления. Так, в рубрике «Актуальные проблемы теоретической экономики» мы публикуем нашу совместную с Василием Ивановичем Корняковым, членом редколлегии, работу «Что у нас с общественным воспроизводством и почему правительство ничего с ним не может поделать?». Статья посвящена актуальной, считаем, проблеме, которая связана с перспективами социально-экономического развития РФ на предстоящие десятилетия. Мы здесь обращаем внимание на отступление от объективных экономических законов в нашей стране в последние десятилетия в реальной макроэкономической политике. На основе проведенного анализа мы предлагаем переход к эффективному капиталообразованию путем смены курса макроэкономической политики в РФ.

Рубрику продолжает статья «Политическая экономия в Беларуси: личности, идеи, теории». Ее представили Лемешенко Петр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», и Лаврухина Ирина Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). Статья наших коллег из Минска посвящена анализу основных этапов развития белорусской экономической науки – от периода средневековья до наших дней. Авторы показывают особую роль науки политической экономии на разных этапах. Они уделяют большое внимание достижениям ее в советский период развития и завершают анализ оценкой современного ее состояния.

Далее в данной рубрике публикуется статья под названием «Имеет ли доверие ценность, или как социальный капитал влияет на экономику?». Ее подготовил Длугопольский Александр Владимирович, доктор экономических наук, доцент, работающий на кафедре экономической теории Тернопольского национального экономического университета, (г. Тернополь, Украина). В его статье обоснована основная проблема развивающихся стран в контексте формирования адекватной институциональной среды социально-экономических реформ – некачественный социальный капитал. Автор проанализировал основные концептуальные подходы к трактовке категории

«социальный капитал» и его основные характеристики. В статье проведен анализ уровня развития социального капитала в странах ЕС, США и Украины. Исследовано влияние «групп Олсона» и «групп Патнема», обоснованы причины слабого распространения «групп Патнема» в странах с формирующимися рынками, дополнен перечень традиционных транзакционных расходов «расходами беспорядка» и «расходами принуждения и контроля». Сделаны выводы о двояком влиянии институтов на динамику экономического развития стран мира в контексте типов модернизационных стратегий.

Затем в рубрике «Новая индустриализация: экономико-теоретический аспект» публикуется работа по теме «Индустриализация в СССР в оценке западных экономистов и историков советского периода». Ее подготовил Гордеев Артем Анатольевич, аспирант кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Его статья посвящена характеристике взглядов западных ученых советского периода на индустриализацию 1930-х годов. Автор показывает, что в этих взглядах преобладала характеристика ошибок и неудач советской индустриализации. В то же время западные ученые, по мнению автора, не обращали большого внимания на успехи и достижения в проведении индустриализации. В постсоветский период, отмечает автор, такая точка зрения стала преобладать в публикациях уже отечественных экономистов и историков.

Затем в рубрике «Международная конференция в Ярославле» мы продолжаем публикации по материалам проведенной в Ярославле на базе ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» международной научной конференции по теме «Модификация современной конкуренции в зеркале теоретической экономики». Как Вам известно, кроме кафедры экономической теории и редколлегии электронного научно-экономического журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, РФ), в числе организаторов конференции выступили Вольное экономическое общество России (г. Москва, РФ) и его региональное отделение в Ярославле, НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск, РФ) и его филиал в г. Ярославле, кафедра экономической теории ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» (г. Иваново, РФ), филиал в г. Ярославле ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ», кафедра теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), Образовательная корпорация «Туран» (г. Астана, Республика Казахстан), кафедра мирового хозяйства и международных экономических отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

В этом номере мы публикуем в указанной рубрике материалы трех докладов с названной конференции. Первым из них представляем материал по теме «Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях», с которым выступает Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Макроэкономика» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация), действительный член Академии философии хозяйства, член редколлегии электронного научно-экономического журнала «Теоретическая экономика». Данная работа посвящена важному и актуальному вопросу. Автор показывает, что главная причина конкуренции в современной экономике – это объективно-исторически сложившаяся неравномерность социально-экономического развития стран. А в конкурентной борьбе естественно и стремление, и реальная внешнеэкономическая политика стран Запада по недопущению возрождения производственного потенциала России. Навязанные рыночные реформы не помогают сгладить сложившуюся неравномерность социально-экономического развития. Потому что объективно, по своей сути, рыночная экономика не сглаживает, а обостряет диспропорции.

Второй материал данной рубрики представил Мелиховский Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова». Название работы – «Критика концепции сил конкуренции Майкла Портера и оценка их функционирования на рынке знаний». В данной статье дается критическая оценка сил конкуренции М. Портера как элементов состязательности в сфере регулирования спроса и предложения на продукты производства, обосновывается их проявление на развивающемся рынке знаний.

Завершает эту рубрику статья на тему «Современная экономика рекламы: динамика конкуренции», которую подготовили Фурманов Михаил Игоревич, студент ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» и Гордеев Валерий Александрович, главный редактор электронного научно-экономического журнала «Теоретическая экономика», заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», доктор экономических наук, профессор, действительный член Академии философии хозяйства и зарубежный полный член Академии *Universum Metaepistemia* (г. Ярославль, Российская Федерация). Данная наша статья посвящена исследованию конкуренции в рекламном деле. Мы акцентируем внимание на формах и направлениях взаимосвязи между рекламой и конкуренцией. В связи с этим показываем, как развитие рекламы способствует динамике конкуренции между товаропроизводителями. Особое внимание, конечно, мы уделяем анализу указанных процессов в Российской Федерации.

В следующей рубрике «Творчество молодых исследователей» предлагаем Вашему вниманию два материала. Название первого из них – «Государственное регулирование деятельности нефтеперерабатывающего комплекса». Эту работу представила Герасимова Полина Евгеньевна, аспирант кафедры экономики и управления, НОЧУ ВПО «Санкт-Петербургский институт управления и права», (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). В ее статье рассматриваются основные направления государственного регулирования функционирования нефтеперерабатывающего комплекса. Автор анализирует состояние нефтеперерабатывающего комплекса страны. В статье рассматриваются проблемы ценообразования отрасли, приводятся основные проблемы в области налогообложения, а также пути их разрешения. Автор показывает, что существует объективная необходимость воздействия государства на развитие отрасли.

Второй материал данной рубрики называется «Этапы парадигмального развития экономической теории в ретроспективе». Его подготовил для Вас Черников Тимур Станиславович, аспирант кафедры «Экономическая теория» НОУ ВПО «Московская академия экономики и права» (г. Москва, Российская Федерация). Автором рассмотрена структура развития экономической науки. При этом обнаружено, что на разных исторических этапах труды многих ведущих экономистов содержали парадигмальные основания. Автор констатирует, что новые теоретические парадигмы не отбрасывают прежние знания, а интегрируют их, они выступают как «частный случай» более широких воззрений, поэтому тема анализа парадигмальных сдвигов продолжает оставаться актуальной. В статье выявлена необходимость формирования новой парадигмы, позволяющей обеспечивать эффективную взаимосвязь экономической теории и хозяйственной практики.

В рубрике «Рецензии» публикуется, во-первых, рецензия на книгу П.С. Лемещенко и Е.В. Шумских «Информационная экономика Республики Беларусь в контексте мировых тенденций развития». Авторы данной рецензии – Гордеев В.А., доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация), профессор, действительный член Академии философии хозяйства, главный редактор журнала «Теоретическая экономика», и Корняков В.И., доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация),

действительный член Академии философии хозяйства, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика». Здесь мы отмечаем, что авторы рецензируемой монографии – член редколлегии нашего журнала «Теоретическая экономика», доктор экономических наук, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), профессор, действительный член Академии философии хозяйства Петр Сергеевич Лемешенко вместе с соавтором Еленой Владимировной Шумских – посвящают свою работу, считаем, весьма актуальной теме. Ведь информация и информатика на глазах меняют всю нашу жизнь в самом широком смысле слова вплоть до появления на корабле истории нового экипажа человеческой цивилизации с рядом еще невиданных и недостаточно понятных признаков. Меняются и общественное производство, воспроизводство. Осмыслению того, что в них происходит под воздействием информации и информатики, и могла бы помочь, по нашему мнению, рецензируемая книга, изданная в столице республики Беларусь.

Во-вторых, в данной рубрике помещена моя рецензия на монографию О.Г. Горбачева «Динамика страхового капитала». Рецензируемая монография докторанта кафедры экономики ФГБОУ ВПО «Костромской государственной академии имени Н.А. Некрасова» Олега Геннадьевича Горбачева посвящена исследованию сущности и содержанию страхового капитала, его экономической природы и генезиса. В книге раскрываются экономические интересы хозяйствующих субъектов на рынке страхового капитала, институциональное обеспечение функционирования страхового капитала.

Таково основное содержание представленного Вашему мнению четвертого (двадцать второго) номера.

С сожалением приходится информировать Вас, уважаемый читатель, что мною получено и редколлегией рассмотрено следующее заявление Антона Сергеевича Филипенко, профессора Киевского национального университета Республики Украина:

«Уважаемый Валерий Александрович,

В связи со сложившейся военно-политической ситуацией я не считаю возможным свое дальнейшее пребывание в составе редакционной коллегии вашего журнала.

С уважением А.Филипенко».

Редколлегия удовлетворила просьбу Антона Сергеевича, поблагодарив его за работу в ее составе на благо повышения научного уровня нашего журнала. Хотим надеяться, что наши научные и товарищеские связи с Антоном Сергеевичем найдут свое продолжение.

Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением,

В.А. Гордеев

ЧТО У НАС С ОБЩЕСТВЕННЫМ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ И ПОЧЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЧЕГО С НИМ НЕ МОЖЕТ ПОДЕЛАТЬ?

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vikorn1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, которая связана с перспективами социально-экономического развития РФ на предстоящие десятилетия. Авторы обращают внимание на отступление от объективных экономических законов в нашей стране в последние десятилетия в реальной макроэкономической политике. На основе проведенного анализа авторы предлагают переход к эффективному капиталообразованию путем смены курса макроэкономической политики в РФ.

Ключевые слова: общественное воспроизводство; неоиндустриализация; объективные экономические законы; эффективное капиталообразование; экономика; труд

Код УДК: 330.31

Annotation. This article is devoted to an actual problem of prospects of social and economic development of the Russian Federation for the forthcoming decades. The authors pay attention to derogation from objective economic laws in our country in the last decades in real macroeconomic policy. On the basis of the carried-out analysis the authors offer transition to effective capital formation by a shift of macroeconomic policy in the Russian Federation.

Keywords: social reproduction; new industrialization; objective economic laws; effective capital formation; economy; labour

В экономической литературе – множество итоговых оценок более чем двадцатилетнему развитию экономики постсоветской России. Преобладают весьма аргументированные суждения, что за два десятилетия она не только не вышла на советский уровень, но и не компенсировала уничтожение в «лихие девяностые» многих необходимейших производств, – к примеру, станкостроения, без которого немислима «новая индустриализация». Вот портрет этого

двадцатилетия словами известного экономиста Н.П. Шмелёва: «...За последние двадцать лет уничтожена огромная часть промышленного потенциала страны. В качественном отношении его фактически нет! Промышленный импорт принял невероятные масштабы, который свидетельствует только о том, что индустриальная основа экономики страны разрушена. Если 90% внутреннего рынка обуви – это чужое, то, что это – признак здоровой экономики? Или 70-80% текстиля, рубашек, тканей – тоже привозное. Авиационная промышленность, автомобилестроение, станкостроение – всё в упадке и разрухе. Треть посевных площадей заросла, две трети стада потеряно. Примерно треть интеллектуального капитала ушла из страны. Разрушена система прикладной науки, которая связывала институты Академии наук с промышленностью. Даже система ПТУ разрушена. На фоне такой деградации чем-то вроде финтифлюшек выглядят точечные инновации, ради которых учреждены «Сколково», «Роснано» и т.д. [1, с. 3].

Экономическая литература переполняется, взрывается предложениями, требованиями, доказательствами, аргументами в пользу решительного изменения ситуации, сконцентрированного прорыва к рубежам самых передовых экономик. Как справедливо, на наш взгляд, заметил директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг, «В социуме явно зреет идея о выполнении некоей величественной мобилизационной программы, осуществление которой вернет стране статус великой державы» [2]. Особенно, отметим, такие настроения усилились после возвращения Крыма в Россию.

При этом у многих авторов начало накапливаться впечатление, что их постановки вызывают интерес правительства. У экономистов вызвали отклик прямые изъявления на самом высоком уровне о необходимости высоких темпов роста экономики, о создании современных рабочих мест, о неоиндустриализации и инновациях, о резком, принципиальном повышении темпов роста производительности труда и т.д. Казалось, вот-вот, и руководство страны охватит эти прогрессивные постановки единым экономическим программным документом, направляющим народное хозяйство к высшим позициям во всемирной экономике. Ведь на инвестиционном форуме «ВТБ Капитала» «Россия зовет!» в начале октября 2013 года в Москве Президент заявил: главным вызовом для экономики России является необходимость повышения темпов роста производительности труда, поскольку нынешние темпы означают консервацию сырьевой структуры экономики [3].

«Для России главный, узловой вызов – это низкая эффективность», – отметил В.В. Путин. По объему ВВП «мы вплотную подошли к тому, чтобы стать первой экономикой Европы и пятой экономикой мира» [3]. Однако Россия более чем в два раза уступает развитым странам по производительности труда. «Такой разрыв между уровнем потребления и эффективностью опасен. Существование на природной ренте, в счет будущих поколений, незаработанное благосостояние не может быть устойчивым и долгосрочным», – совершенно правильно подчеркнул В.В. Путин, пояснив: «Этот путь непозволителен для страны, которая ставит перед собой большие цели, живет в условиях открытой экономики, а значит, должна конкурировать за инвестиции, за глобальные рынки, за технологическое лидерство» (там же). Он продолжил: «Сегодняшние темпы роста производительности труда не только не сокращают отставание от лидеров по эффективности. Фактически они означают консервацию однобокой структуры экономики и ее сырьевого характера». В ближайшие годы производительность труда в России должна расти на 5-6% в год – в два раз быстрее, чем сейчас. «Только так мы сможем форсированно преодолеть разрыв в эффективности. Уверен, мы способны это сделать, возможности для это есть», – обозначил главное направление экономической политики страны глава государства [там же].

И вдруг – неожиданный крутой поворот, правительство (министр А.В. Улюкаев) представляет прямо противоположный курс. В предстоящие 16 лет до 2030-го года за базу принят самый консервативный из разрабатывавшихся прогнозных сценариев. Рост ВВП предусмотрен менее 3% (2,8 %) в год. Главное же: «На фоне оттока капитала накопившийся износ инфраструктуры не

позволит решить одну из главных проблем российской экономики – повысить производительности труда» [4].

Это – совершенно иная тональность, нежели та, с которой всего за месяц до Улюкаева говорил президент. Можно подумать, что эти постановления министра А.В. Улюкаева и президента В.В. Путина принадлежат не членам одной команды, а политикам разных стран. Или как будто бы в стране в октябре-ноябре произошёл государственный переворот с полной сменой экономической политики. Объявленная А.В. Улюкаевым хозяйственная политика-практика явно расходится с заявлениями президента о том социально-экономическом курсе, который открывается перед Россией. Правда, всмотревшись, обнаруживаем в обоих заявления не только различия, но и сходство.

Президент чётко, выразительно озвучил, какие бедствия стране несёт-порождает не что-нибудь, а именно проводимая у нас сейчас социально-экономическая политика, противопоставляя ей некоторые главные направляющие совершенно иной политики, адекватной уже не нашему нынешнему, а будущему передовому народному хозяйству. Правительство же располагает только той и именно той экономикой, которую раскритиковал президент. И другой, передовой экономики у нас в России сейчас нет. Отсюда практическое решение подчинённого президенту министра: продолжать тупиковую убийственную политику на ближайшие 16 лет до 2030 года.

СССР за 10 лет перекрыл расстояние в 50-100 лет, отделявшее его от передовых стран, создав фундамент своей победы в ужаснейшей из войн, а теперь за 16 лет мы не в силах повысить производительность труда. То есть ныне живущему-работающему поколению россиян ничего не светит. И главное различие рассматриваемых утверждений: согласно президенту, наличествуют возможности проведения новой политики, а согласно министру, в предстоящей перспективе эти возможности выбираться, реализовываться не будут, отход от негодной политики в предстоящий шестнадцатилетний период невозможен.

Откуда же такой раздрай в одной и той же команде? В стране, в экономике, в общественном воспроизводстве что-то случилось, произошло, породив (всего-то за месяц) столь жесткое итоговое решение руководства нашей экономики? Конечно, нет, – ничего не произошло, в ноябре она такая же, как в октябре. Случившемуся можно предложить следующее объяснение. Управленцы, министерство искали в практической экономике тех её возможностей, о которых говорил президент, но ничего (ничего!) не нашли. И вынуждены практически дезавуировать президента, а президенту пришлось де-факто согласиться со своими управленцами.

Каждый, знакомый с экономической литературой, не может не испытать чувства горечи. Она продолжает публиковать предложения, реализация которых открывает возможности того или иного повышения эффективности отечественного производства. Наше минэкономики, по-видимому, не любит науку, учёных и не желает затруднять себя. Там, судя по всему, принципиально вообще не читают каких-то там научных работников. Во всяком случае, нет признаков, чтобы власти всерьёз (словами А.С. Пушкина: «Неужто в самом деле? Неужто не шутя?») обнаруживали, учитывали, систематизировали, изучали поступающие предложения. И тем не менее с чиновниками отчасти приходится и согласиться: в реально существующей-функционирующей экономике они действительно никак не могут обнаружить выраженных рычагов-ресурсов-инструментов коренного изменения.

Наши многодесятилетние исследования российского общественного воспроизводства убедили нас, что оно совершенно не соответствует научному смыслу данного понятия. Вот уже примерно полвека оно функционирует в затратном антирезультатном построении, позиционировании. С конца 1950-х годов его антирезультатная ипостась постепенно нарастала и в настоящее время практически задушила творящую. И проблема в том, чтобы вернуть общественному воспроизводству производящее построение, функционирующее так, как об этом говорил в октябре

президент и как требуют объективные экономические законы. Своё видение ситуации изложим следующими положениями.

1. Всем известное всеобщее отставание на десятки-десятки лет всей материально-технической базы отечественного производства за исключением части оборонного комплекса. Поиски спасения в иностранных инвестициях, а не в собственном капиталообразовании, сведённом почти к нулю. Этим непреложно доказываемся-устанавливается: в отечественной экономике (в отличие от развитых капиталистических стран) на протяжении десятилетий на предприятиях не происходило регулярного обновления основного капитала, этого с них никто не спрашивал, и фактическая хозяйственная ситуация этого не требовала. То есть не происходило, причём с советских времён, нормального воспроизводственного процесса. Неопровержимо, что в общественном воспроизводстве отсутствовали процессы, долженствующие закономерно-естественно завершаться эффективным капиталообразованием. У нас получилось воспроизводство, исключаящее обновление основного капитала с его техническим вооружением. В экономической теории такое отсутствует. То есть оно – рукотворное.

2. Логика и всемирный исторический опыт устанавливают, что указанные процессы эффективного капиталообразования цикличны, что каждое периодическое обновление технико-технологической базы производства – только звено непрерывного процесса, с которого начинается подготовка очередной замены основного капитала. Циклические замены основного капитала идут по предприятиям, но в итоге охватывают всё воспроизводство. Инициацией всех этих процессов является их же промежуточные итоги – рост производительности живого труда при введении в действие нового установленного оборудования.

3. Обновление основного капитала во всём мире, всегда и везде осуществляется ради этого роста производительности труда (иначе оно утрачивает смысл), – двуединства: а) увеличения выработки продукции на работника и б) уменьшения трудоёмкости единицы изделия. Первое увеличивает продуктивность общественного воспроизводства, второе придаёт ему новое качество: высвобождает труд, позволяет развернуть новые производства, сокращать рабочее и увеличивать свободное время и т.д.

В современных условиях на сущностном, трудовом-стоимостном уровне снижение трудоёмкости изделия, а с ней – издержек производимой продукции, по большей части, порождает эстафету удешевлений в длинных технологических цепочках обработки, подводящих весь общественный технологический процесс производства (ОТПП). Эти удешевления приводят, в конечном итоге, к выпуску конечной продукции – предметов личного и общественного непродуцированного потребления. То есть сущностный экономический смысл роста производительности труда – уменьшение массы труда (величины стоимости) по всему производимому общественному продукту, его (труда) высвобождение для иных экономических и социальных задач, естественно исторического восхождения человечества. Но в нашей стране этот несомненный сущностный объективный социально-экономический смысл общественного воспроизводства не получает экономического выражения.

4. Хорошо известно, что экономические законы реально проявляются-обнаруживаются в непосредственной практической деятельности людей, в их конкретных отношениях, например, стоимость – в ценообразовании, ценах, рост производительности труда – в уменьшении трудоёмкости производства изделия. Однако в РФ вот уже пятьдесят лет экономическая политика не признаёт экономических законов роста производительности труда и стоимости, объективно обязывающего соотношения между ними. После И.В. Сталина правительство за правительством, одно руководство страны за другим действуют так, словно этих законов не существует. Эти законы требуют, чтобы рост производительности выразился в уменьшении трудоёмкости, соответственно издержек и снижении цен, как это было при И.В. Сталине.

Однако в интересах наполнения доходов бюджета с конца 1950-х годов предприятия, уменьшившие удельные трудоёмкость, издержки, получили «освобождение» от обязанности соответственного уменьшения отпускных цен. Разница между снизившимися издержками и отпускной ценой сохранялась, даже увеличивалась (особенно при увеличении цены) и переправлялась большей частью (через налог с оборота, отчисления от прибыли и т.п.) в бюджет, не допускалась к ассимиляции общественным воспроизводством для осуществления своих естественных объективно необходимых функций. То есть на протяжении десятилетий (!!!) вплоть до настоящего времени в стране нет – именно нет (!!!) – полномасштабно завершённого общественного воспроизводства с осуществлением требований его экономических законов, – прежде всего закона роста производительности труда. У роста производительности труда фактическими отношениями вырвано качество уменьшения цены продукта, тем самым поражены-вытоптаны и требования законов стоимости, экономии времени.

Мы учим студентов, что экономические законы не действуют изолированно друг от друга, а лишь системно, словами поэта, «держа и вздымая друг друга». Порушив в экономике не одну, а сразу несколько объективных необходимостей, наивно ожидать плодотворных действий и отдачи от других. Вся экономика становится не жизнеспособной, такой, которую живописал Н.П. Шмелёв (см. выше). А что было бы, если бы государство, как это делал И.В. Сталин, не погналось за лженаполненными доходами бюджетов и не пошло бы на искоренение в фактических отношениях требований объективных законов?

5. Допустим, государство правильно, по И.В. Сталину (в последний период его жизни), использовало в конкретных отношениях рост производительности труда. Тогда, как уже говорилось, всё общественное воспроизводство вплоть до конечного продукта подверглось бы удешевлению, причём овеществлённый труд сократился бы (благодаря длинным технологическим цепочкам обработки) много больше, нежели живой. Удешевление основного капитала высвободило бы социуму определённые ресурсы, занятые его изготовлением, для других экономических и социальных целей. Это означало бы также изменения в соотношениях основных воспроизводственных совокупностей. А ещё это породило бы особый, со времён И.В. Сталина не использовавшийся, загубленный щедрый источник общественного богатства природно-естественного характера.

6. Речь идёт о том, что I подразделение как «производство средств производства для средств производства» есть «кольцо Маркса», спираль с природными эффектами положительной и отрицательной составляющими обратных связей, хорошо исследованных специалистами в областях термодинамики, теории колебаний («плюс-минус взаимодействия») и других. Повышая отпускные цены и этим закачивая в экономику лжестоимости (дензнаки без трудового содержания), правительства десятилетие за десятилетием получали никем не учитываемый эффект положительной обратной связи – добавочную инфляцию. А если бы следовали логике, требованиям экономических законов, уменьшали цены соответственно объективному снижению трудоёмкости, то получали бы от каждого (именно каждого) такого дискретного уменьшения многолетний итеративный эффект отрицательной обратной связи.

Если первый эффект состоит в разрушительном многолетнем самонагнетании в экономику чрезмерных денег, то второй, строго симметричный первому, напротив, на протяжении того же количества лет дополнительно, как бы подарочно, уменьшает стоимостную материю «кольца Маркса», добавочно, сверх исходного уменьшения трудоёмкости-цен, выводит стоимость постоянного капитала «кольца» из текущего воспроизводства, как бы вручая эти реально высвободившиеся ресурсы обществу для решения его экономических и социальных проблем.

Сколько их, этих подарочных ресурсов, нежданно-негаданно, как бы из никуда преподносимых «кольцом Маркса» членам общества? Если считать по классическим марксовым

схемам общественного производства-воспроизводства, то на каждую стоимостную единицу уменьшения цены (как выражения роста производительности труда) природно-объективно самим устройством «кольца» общественного воспроизводства добавляется три (повторим: три) единицы уменьшения постоянного капитала «кольца» и таким образом безвозмездно-щедро подаренных социуму (безо всяких усилий с его стороны) ресурсов (каждый желающий может проверить это, уменьшив 2000 единиц живого труда, вводимого в «кольцо»). Вот какую «курицу, несущую золотые яйца», когда-то зарезали ради иллюзорных бюджетных выгод преемники И.В. Сталина.

7. Таким образом, при следовании отечественного общественного воспроизводства путями надлежащего использования экономических законов на предприятиях и в масштабе общества встретились бы два определяющих процесса. Первый – удешевления, главным образом, промежуточной продукции, порождающего общее удешевление функционирующего основного капитала, инициированного ростом производительности труда и эффектом «кольца Маркса». Везде в мире удешевление основного капитала – сигнал к его замене на новой технической базе. Второй – высвобождения ресурсов функционирующих процессов воспроизводства.

Такая встреча плодотворна, своим итогом она имеет закономерное обновление основного капитала, продвижение на более высокий уровень производительности труда, качественное совершенствование экономики, всего общества. Эти-то процессы и были ампутированы в Советском Союзе, породив его техническое и технологическое отставание от Запада. Уже в 1960-е, максимум в 1970-е годы волевое калечение общественного воспроизводства стало свершившимся фактом. По стране вспыхивали огоньки повышения производительности труда, уменьшавшие как издержки предприятий, так и объективную трудовую стоимость продукции. Но конкретные отношения душили продолжение этих процессов, отсутствовало естественнейшее выражение повысившейся производительности (и снизившейся стоимости соответствующей продукции) в уменьшении соответствующих цен, чем уничтожалось обретение ресурсов расширенного воспроизводства, обновление основного капитала, оборудования и, в конечном итоге, укоренялось жуткое техническое отставание, порождался весь спектр экономических и социальных болезней позднего СССР. Больное общественное воспроизводство – больное общество.

В РФ в рассматриваемом отношении – не просто полнейшая, но и многократно помноженная преемственность. Не только невиданный в СССР размах инфляции, делающий бессмысленным самую постановку вопросов удешевления производства, высвобождения ресурсов. Растратное, себя не окупающее, паразитирующее на экспорте природных ресурсов воспроизводство. Минимально необходимое обновление производственного аппарата, конечно же, почти начисто отсутствует. Отечественных инвестиционных ресурсов современного научно-технического наполнения фактически нет, продолжается закрытие предприятий, в том числе с многолетними традициями. Квалифицированные кадры, трудовая психология практически утрачены. Социологические обследования установили отсутствие каких-либо социальных слоёв, заинтересованных в повышении производительности труда, в инновациях. Последние точечные и проводятся преимущественно государством. Какие эндогенные тенденции присущи этому искалеченному воспроизводству? Что с ним может поделать тот или иной министр экономики, тот же А.В. Улюкаев? Вот ему и приходится корректировать президента.

Десять-двадцать-тридцать и т.д. программ развития искалеченного общественного воспроизводства нимало не решают, не могут решить его проблем. Толчение воды в ступе. Их решит только возвращение к науке политической экономии как важнейшей составной части теоретической экономии, к перестроению всего общественного воспроизводства в соответствии с требованиями давно и хорошо известных объективных экономических законов. Дело это непростое, требующее коренного, сущностного переворота макроэкономической политики. Вот тут-то к месту бы были и хорошо проработанные государственные программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вторая индустриализация: проблемы России и международный опыт // Экономист. – 2012. – № 11. – С. 3–16.
2. Коробицына О. Дорого заплатим... за Крым. Но можем в конце изменить экономику / О. Коробицына // Аргументы и факты. – 2014. – 9–15 апреля. – С. 15.
3. Путин: главное – повысить производительность труда // Вести. Экономика [Электронный ресурс] : сайт. – Москва, 2011. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/33454>. – Дата доступа: 10.05.2014.
4. Миронов В. Доходы вырастут, но вдвое меньше / В. Миронов // Российская газета. – 2013. – 8 ноября. – С. 1–2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В БЕЛАРУСИ: ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, ТЕОРИИ

Лемещенко Петр Сергеевич

доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный университет
заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: liamp@bsu.by

Лаврухина Ирина Александровна

кандидат экономических наук, доцент. Белорусский государственный университет
кафедра институциональной и теоретической экономики
г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: caftiec@bsu.by

Аннотация. Статья посвящена анализу основных этапов развития белорусской экономической науки – от периода средневековья до наших дней. Авторы показывают особую роль науки политической экономии на разных этапах. Они уделяют большое внимание её достижениям в советский период развития. Авторы завершают анализ оценкой её современного состояния.

Ключевые слова: национальная экономическая наука; направления экономических исследований; научные школы; политическая экономия; институциональная теория; взаимосвязь развития экономической мысли и общественно-экономического развития

Код УДК: 330.101

Annotation. This article is devoted to analysis of main stages of Belarusian economic science's development from middle centuries until today. The authors show the particular role of political economy on different stages. They pay much attention to its successes in the soviet period. The authors finish the analysis by estimating its modern situation.

Keywords: national economic science; directions of economic researches; scientific schools; political economy; institutional theory; interrelation between development of economic theory and development of society, economy

Политическая экономия дала старт науке экономики как особой и влиятельной сфере человеческой деятельности, как институту, как учебной дисциплине. Собственно, этот период можно считать и началом экономической цивилизации с ее сложным и довольно противоречивым характером эволюции товарно-стоимостных форм. Сегодня многие острые вопросы обусловлены тем, что предметно-методологический фокус политэкономии размылся, а на ее замену претендуют «выпавшие» из этой же научной дисциплины многие частные научные экономические направления. Но, все-таки сумма частного знания не заменяет знания общего, которое определяет схему или карту современного геополитического пространства и времени.

Анализ исторического развития отечественной науки также показывает, что особую роль на всех этапах этого развития играет наука «политическая экономия». Научные традиции белорусской экономической мысли имеют давнюю историю и восходят к периоду средневековья. Мы не будем

вдаваться в общеизвестные характеристики становления и эволюции политэкономии, а остановимся на некоторых особых ее свойствах в Беларуси.

В XII-XVII вв. в Великом княжестве Литовском получили распространение аристотелевские идеи (просветители Ефросинья Полоцкая, Кирилл Туровский, Клим Смолятич), идеи Реформации (Франциск Скорина (ок. 1490-1551), Василь Тяпинский (1540- 1603), Симон Будный (1530-1593), Лаврен Крышковский (II пол. XVI в.), Мацей Кавячинский (1529-1572), Ян Намысловский (1560-1635), средневековые утопические учения (Феодосий Косой (сер. XVI в.), Павел из Визны (сер. XVI в.), Пётр из Ганёндза (? – 1573), Михал Гитих (?-1654), Мартин Чехович (1532-1613)).

В период становления и развития рыночных отношений на белорусских землях получили развитие идеи утопического социализма (Павел Бжестовский (1739-1827), который осуществил свой социальный эксперимент на полвека раньше Р.Оуэна, Язэп Яленский (1756-1813), Семен Зенович (1795-...?)), физиократии (Явхим Хребтович (1729-1812), Игнат Масальский (1729-1794), Гераним Страйновский (1752-1816)), учения классической школы политической экономии (Ян Ястрембский (1814-1883)), концепции исторической школы (Митрофан Довнар-Запольский (1867-1934), маржинализма (признанный лидер статистического направления в мировой экономической науке Владимир Дмитриев (1868-1913), лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. Саймон Кузнец (1901-1985)).

Институционально экономическая мысль на Беларуси оформилась только в начале 19 века. В Виленском университете в 1810 г. была создана кафедра политэкономии, в 1812 г. возникла Полоцкая академия, а также различные организации – Эдукационная комиссия (1773-1794), кружок или салон физиократов в Виленском университете (1774-1806) и Общество любителей наук (1800-1812). Уже с середины XVII века в Виленском университете Мацей Сарбевский (1595-1640), Лука Залуский (1604-1676), Адам Ализорович (1618-1659), Тодар Билевич (вторая половина XVII в.) читали курс «моральной философии» и экономику трактовали шире, чем мыслители аристотелевской традиции, как науку не только о ведении домохозяйства, но и об управлении человеком и государством. В Полоцкой академии политическую экономию преподавал Винцент Бучинский (1789-1853). Издавались учебники по политической экономии: учебник Г. Страйновского «Наука природного и политического права, политической экономии и права народов» (1785 г.), книга Яна Зноски «Наука политическая экономия» (1811 г.), конспект лекций Яна Вашкевича, опубликованный в научном журнале «Виленский дневник» под названием «Краткий сбор политической экономии, составленный по трудам знаменитых авторов в этой науке» [1].

Таким образом, белорусская экономическая мысль во времена существования ВКЛ и до момента закрытия по указу российского императора Виленского университета и Полоцкой академии находилась в контексте развития европейской цивилизации и демонстрировала этапы становления и развития политической экономии.

После потери государственности (вхождение в Речь Посполитую в конце XVI в. и впоследствии включение большей части белорусских земель в состав Российской империи в к. XVIII века) и закрытия по царскому указу белорусских университетов (20-30-е гг. XIX века) развитие национальной экономической мысли приостановилось. В период отсутствия высших национальных учебных заведений и др. исследовательских центров, экономисты-выходцы из Беларуси, учились и работали в польских, украинских и российских университетах и там внесли важный вклад в развитие экономической науки¹. Российская экономическая наука к этому моменту уже демонстрировала ряд сложившихся исторических особенностей, отличавших ее от западной. Прежде всего, российская экономическая мысль всегда носила ярко выраженный *державно-*

¹ Так, Д. Журавский, является одним из основателей статистического (эмпирического) направления в экономической науке России [1].

государственный характер. Это проявлялось в «почтительном» отношении к государству, в стремлении русских экономистов оправдать государственное вмешательство в экономику, в признании за государством социальной силы, обеспечивающей гармонию интересов в обществе и прогрессивное развитие страны. Такая особенность обусловлена традиционно важной ролью государства в хозяйственной жизни России и особым типом государственности – деспотической монархической властью. Поскольку вся история России – это история поиска и осуществления реформ, направленных на преодоление отставания от Запада, – процесса, по определению, идущего сверху и направленного на преодоление бедности, то отсюда – такая черта отечественной экономической мысли, как *нормативность исследований* – она всегда ставила своей задачей ответить на вопрос «как должно быть» и, соответственно, выработать рекомендации правителям.

На Западе экономисты-теоретики, как правило, тоже интересовались вопросами практики и порой выступали с достаточно радикальными реформаторскими идеями, но они стремились четко разграничить практическую и теоретическую части экономической науки. Российские же экономисты любые теоретические построения подчиняли решению преимущественно практических задач и адресовывали их правительству в качестве руководства к действию.

Важной исторической особенностью экономических воззрений российских ученых является *внимание к проблеме социальной справедливости*. В России не было «чистой» экономической науки как таковой. Она всегда занималась социально-хозяйственными проблемами, верила в возможность и искала пути улучшения социального порядка². С нашей точки зрения, это обусловило возникновение сильной школы философии хозяйства в ЦОН МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора Ю.М. Осипова, которая также нашла поддержку и в Беларуси.

С предыдущей особенностью связана и такая черта российской экономической мысли, как *междисциплинарность исследований* – ее тесная связь с философией, социологией, психологией, историей, религией. Русские экономисты не замыкаются на анализе чисто экономических проблем, они трактовали экономику только как органическую часть общества и государства, у них нет сведения природы человека к homo economicus. В работах М. Туган-Барановского, С. Булгакова, представителей российской исторической школы формулируется задача избавить науку (прежде всего классическую политэкономия) от заложенной в ней односторонности и предвзятости и подчеркивается важность социально-нравственных и этических слагаемых экономических исследований.

В теории цивилизации Янжула проблема роста национального богатства связывается с задачами подъема духовности, просвещения и нравственного оздоровления общества. Идеологи российской исторической школы настаивают на том, что право и характер общественного устройства оказывают активное влияние на экономику.

Отсюда и *универсальность* русской экономической мысли. Она во многом обусловлена спецификой русской общественной мысли в целом, ее своеобразным универсализмом. Русская общественная мысль все теоретические построения воспринимает в качестве источника определенных воззрений на окружающую действительность, путей разрешения религиозных и философских вопросов, вопросов политики и морали, общественной и личной жизни. Все эти исторические особенности предопределили особую роль политической экономии в истории отечественной экономической науки. Ее подходы оказались наиболее приспособленными к решению задач, стоявших перед нашей экономикой на разных этапах ее развития.

² Как правило, поиск таких путей осуществлялся с идеалистических позиций. Отсюда огромное множество утопических проектов – от крайне реакционной «утопии» М. Щербатова до «русского утопического социализма» А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского и коммунистической утопии российских марксистов. Хотя, безусловно, и в таком подходе присутствует свое рациональное зерно. Например, обоснование П. Георгиевским необходимости социальной политики в условиях рыночной экономики (до А. Пигу и Дж.М. Кейнса) является вкладом в мировую экономическую науку.

После длительного застоя (почти девять десятилетий), в белорусской экономической науке некоторое оживление наступило в конце XIX века, когда среди революционно настроенных мыслителей распространился марксизм (первыми представителями и популяризаторами марксизма в Беларуси были С. Мержинский (1870 -1901), Е.Гальперин (1855-?), П. Лепешинский (1868-1944), С. Гахович (1856-?), С. Галюн (1866-?), братья И. и Я. Гурвичи). Братья Гурвичи выполнили в 1920-х гг. перевод «Капитала» К. Маркса на белорусский язык. С этого момента экономическая наука Беларуси развивалась в тесной связи с российской.

В 20-е гг. XX века, когда российская советская экономическая наука, переживала свой «золотой век», решая беспрецедентные научные задачи и удерживая первенство в мировой экономической науке по решению таких проблем, как экономический рост (В. Новожилов и Г. Фельдман, С. Струмилин) и экономические колебания (Н. Кондратьев), планирование и прогнозирование (А. Богданов, Н. Кондратьев, В. Базаров), модель межотраслевого баланса (С. Струмилин, Л. Литошенко), аграрные проблемы (А. Чаянов), в Беларуси также велись плодотворные исследования³.

В период нэпа белорусская национальная группа экономистов объединилась вокруг концепции экономического развития «Беларусь-Дания». Эти авторы считали, что пример экономического благополучия Дании, схожей с Беларусью по природным и демографическим параметрам, опровергал стереотипы о том, что Беларусь не может стать развитой страной из-за отсутствия значительного количества полезных ископаемых, неблагоприятного климата для ведения сельского хозяйства, недостаточной плотности населения. Сторонники концепции «Беларусь-Дания» считали, что средством преодоления отсталости белорусского сельского хозяйства может стать заимствование у развитых стран прогрессивных методов и технологий хозяйствования [2].

В последующие десятилетия советского периода белорусская экономическая наука во многом лишилась своей самобытности, шла в фарватере разработок российских авторов и не оформилась в какую-то самостоятельную научную школу. В белорусской экономической науке – политической экономии социализма – как и в российской, преобладали нормативные суждения, проявляли себя догматизм мышления, схоластичность аргументации и превалирование идеологической функции науки перед познавательной, практической и прогностической [5]. Вместе с тем, как верно заметил Й. Шумпетер, хотя никакой исследователь не свободен от оценочных суждений, но, если это добросовестный ученый, то идеологический компонент «отфильтруется» и он получит ценные научные результаты [11].

Примером тому в истории белорусской экономической науки советского периода может служить «теория переходных форм производственных отношений», созданная профессором политической экономии С.Е. Янченко и его учениками [4]. В ряде опубликованных работ они исходили из марксистского тезиса, что любая развивающаяся экономическая система порождает как стимулы динамического роста, так и социально-экономические противоречия, разрешение которых объективно продвигает общество в переходное состояние. Это состояние характеризуется наличием переходных форм производственных отношений («формы, сочетающие в себе элементы старого и нового, черты отмирающих и зарождающихся экономических связей»). По мнению автора, западное общество 70-х гг. прошлого столетия – это система *переходных производственных отношений* проявляющихся в различных формах [12]. Заметим, что этот вывод, революционный для своего времени, сегодня принял статус очевидной истины. Учитывая это, кафедра

³ Как правило, поиск таких путей осуществлялся с идеалистических позиций. Отсюда огромное множество утопических проектов – от крайне реакционной «утопии» М. Щербатова до «русского утопического социализма» А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского и коммунистической утопии российских марксистов. Хотя, безусловно, и в таком подходе присутствует свое рациональное зерно. Например, обоснование П. Георгиевским необходимости социальной политики в условиях рыночной экономики (до А. Пигу и Дж.М. Кейнса) является вкладом в мировую экономическую науку.

теоретической и институциональной экономики БГУ (Минск) 17 февраля 2014 года провела теоретический семинар «Политическая экономия как наука королей», посвященный 90-летию со дня рождения инициатора открытия в 1966 году отделения политэкономии в Белгосуниверситете. Вот основные направления творческого обсуждения современных политэкономических проблем для участников «Круглого стола» через призму научного наследия заведующего кафедрой политэкономии проф. С.Е. Янченко:

- политэкономия – наука прошлого, настоящего или будущего?
- идея генетического кода экономических отношений и современные проблемы социально-экономического развития;
- предпосылки для социализма нужны. А нужны ли они для капитализма после социализма, для формируемой новой рыночной системы?
- пути и хозяйственные формы развертывания экономического генетического кода в систему экономических отношений: теория и практика;
- модификация форм экономических отношений в переходные периоды общественной эволюции;
- может ли двигать научно-технический прогресс общественное воспроизводство в условиях ежегодного снижения цен? А почему при повышении цен нет научно-технического прогресса?
- экономическая природа и роль налога с оборота в повышении инновационности и модернизации общественного воспроизводства.

Обращаясь к наследию проф. С.Е. Янченко, можно увидеть, что сегодня суперактуальна его не только идея, но теория о переходности социалистических производственных отношений, содержащих в себе такие переходные формы производственных отношений, как товар, деньги, кредит, коммерческий и хозяйственный расчет, государственный капитализм, кооперацию и др. Они трактовались как формы, которые не соответствуют социализму и неизбежно отмирают в процессе его развития, но которые возможно и необходимо использовать в экономической политике. Теория переходных форм производственных отношений получает новое, неожиданно актуальное звучание позже, когда наука встала перед проблемой поиска форм перехода от социализма к рыночному хозяйству, была осознана «важность использования переходных форм производственных отношений в переходные эпохи, когда в реальной действительности действуют экономические законы смежных систем хозяйства» и необходимость учитывать это в экономической политике: «не противодействовать, а поддерживать нарождающийся экономический строй, с одной стороны, и использовать имеющиеся еще стимулы старого строя в росте производства, с другой...» [12].

С.Е. Янченко и его учениками были сформулированы методологические и теоретические основы исследования переходных форм производственных отношений (отказ от грубого понимания процесса трансформации плановых экономик как перехода к домонополистическому капитализму и необходимость учета таких признаков переходного состояния современного общества как «1) переход от труда как субъективной сущности частной собственности к созиданию как субъективной сущности интеллектуальной собственности; 2) переход от системы отношений, завязанной на материальных вещах, к системе, завязанной на информации, знании... и таланте; 3) переход от экономики, основанной... на монополии на знания и институте кредита к экономике, ликвидирующей существующую финансово-кредитную систему, опирающуюся на талант общества, на культурно-этническую и эколого-технологическую составляющие социально-экономического прогресса» [4].

Именно эти подходы были применены и для раскрытия сущности кредита (как переходной формы производственных отношений), налога с оборота (как категории политэкономии социализма и одного из важнейших инструментов ценообразования и регулирования социалистической экономики). К середине восьмидесятых годов экономическая наука стала испытывать очевидные трудности, главным проявлением которых были снижение ее познавательной результативности и неспособность предложить решение практических проблем. В публикациях Янченко и его учеников того времени констатировалось отставание теоретических разработок от потребностей практики, ставилась задача критической оценки достигнутых результатов. Среди причин отставания политической экономии назывались недостаточное использование ею результатов исследования реальной действительности другими науками, как общественными, так и естественными, недостаточность контактов между политэкономом и хозяйственной практикой (выполнявшиеся так называемые хоздоговорные разработки, носившие ведомственный характер, отражавший узкие задачи предприятия или объединения, авторы оценили не как реализацию практической функции науки, а как уход от решения научных проблем), организационная разобщенность специалистов, недостаточность конструктивного критического анализа различных сторон хозяйственной практики. Этим белорусские политэкономы предвосхитили грядущие перемены в отечественной экономической науке и их идеи звучат удивительно актуально в современных условиях необходимости реформирования экономической науки и экономического образования.

С начала 90-х гг. с обретением государственной независимости и началом переходного периода в белорусской экономической мысли, как и в российской, произошла смена позиции в оценке различных типов хозяйственных порядков, переориентация в сторону либеральных ценностей и стали предприниматься попытки практического преобразования центрально-управляемой экономики. Реформы осуществлялись методом проб и ошибок. «Бросания в крайности», которым грешили быстро сменявшие друг друга политики, усугубляли закономерный трансформационный кризис. В духовной сфере происходила жестокая ломка стереотипов мышления, в общественных науках разразился неизбежный научный кризис.

Преодоление кризиса экономической мысли и кризиса самой экономики поставило перед экономической наукой три группы задач: парадигмальное обновление; выбор типа хозяйственного порядка и модели экономики, к которой мы хотим прийти; разработка конкретных форм хозяйственной деятельности, соответствующих выбранному типу хозяйственного порядка.

До сегодняшнего дня ни одна из этих задач не решена хотя бы в первом приближении. Вместе с тем, на пути обновления нашей экономической науки уже пройдены определенные этапы. Первоначально предполагалось, что решить сложнейшие социальные и экономические проблемы, с которыми столкнулось советское общество и которые привели в конце XX века к необратимым деструктивным изменениям, можно через обновление социализма. Соответственно, речь шла не об отказе от политической экономии социализма, а о приспособлении ее положений к «новым» условиям. Когда стало очевидным, что политическая экономия социализма не способна дать ответы на поставленные временем вопросы, получила развитие новая тенденция – слепое преклонения перед западной экономической наукой, причем, понимаемой довольно узко, исключительно как «экономикс». Довольно быстро обнаружилось, что школы «мэйнстрима» также не располагают методологическими и теоретическими возможностями познания новых реалий. Наконец, начался постепенный пересмотр прежних взглядов на развитие экономических процессов, а также представлений о предмете, категориях и содержании экономической науки. Этот пересмотр приближал ученых к пониманию того, что только политическая экономия располагает необходимым методологическим и теоретическим потенциалом для изучения развивающихся систем, что особенно актуально для переходных экономик.

Такое понимание, остающееся скорее на интуитивном уровне, не предотвратило снижения

общетеоретического уровня национальной экономической науки. Это проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании *интуитивно-описательного метода* [7].

Несмотря на все трудности, в поисках ответа, прежде всего, на острые практические вопросы в последние два десятилетия в основных исследовательских центрах белорусской экономической науки (Институт экономики Национальной академии наук, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь, экономический факультет Белорусского государственного университета, Белорусский государственный экономический университет, Академия управления при Президенте РБ, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Исследовательский центр Института приватизации и менеджмента), а также работах ряда отдельных представителей других образовательных и научных учреждений развиваются следующие основные направления исследований⁴:

- разработка национальной модели экономического развития (Никитенко П.Г., Тур А.Н., Шимов В.Н.), вопросов интеграции Республики Беларусь в мировую экономику в условиях глобализации (Новикова И.В., Ковалев М.М., Давыденко Е.Л., Бондарь А.В., Медведев В.Ф., Данильченко А.В.), проблеме конкурентоспособности белорусской экономики и крупных отечественных производителей и транснационализации их деятельности;
- проблемы преодоления кризисного состояния национальной экономики, роли государства в ходе рыночных преобразований. Поскольку в отечественной науке всегда превалировала идея необходимости «сильного государства», то большое внимание уделяется изучению роли государства в ходе рыночных преобразований, определению направлений, механизмов и последствий государственного регулирования экономики (Шимова О.С. – экологическая политика; Богдан Н.И. – инновационная политика; Шмарловская Г.А. – налоговая политика; Ковалев М.М., Тарасов В.И., Тихонов О.А., Усоский В.Н., – денежно-кредитная и финансовая политика; Санько Г.Г. – антимонопольное регулирование; Ванкевич Е.В. – политика занятости; Морова А.П., Давыденко Л.Н., Солодовников С.Ю., Лемешевский И.М. – социальная политика и формирование ее рыночной модели; Ильина З.М. – аграрная политика, Лемещенко П.С. – институциональное планирование и регулирование, Байнев В.Ф. – нравственная экономика и политика, Пелих С.А. – промышленная политика);
- проблемы развития аграрной экономики (Воробьев В.А., Капштык А.И.), оптимизации АПК и государственного регулирования аграрного сектора отечественной экономики (Клюня В.Л., Ленькова Р.К.);
- инновационное развитие экономики Республики Беларусь (Байнев В.Ф., Богдан Н.И., Марков А.В., Нехорошева Л.Н.), отечественных предприятий (Кудашев В.И., Ясников Г.Е.) и национальной системы экономического образования (Байнев В.Ф., Бычкова Г.М., Лемещенко П.С., Суша Н.В.);
- комплексное прогнозирование социально-экономического развития и научно-технического прогресса (Медведев В.Ф., Никитенко П.Г., Марков А.В., Шимов В.Н.), проблемы экономической безопасности (Пузиков В. В., Ермашкевич В.Н., Сенько А.Н.), региональной экономики (Фатеев В.С.), экономико-математическое моделирование и прогнозирование (Кравцов М.К., Комков В.Н., Никитенко П.Г.);
- прикладные исследования: электронная торговля и проблемы сетевой экономики (Паньшин Б.Н.), математическая экономия – системы поддержки принятия экономических решений, оптимизационные модели (Ковалев М.М., Комков В.Н.) [3], экономические основы

⁴ Ограниченные рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на этих и других проблемах с фамилиями авторов.

ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (Лыч Г.М., Патеева З.Г.);

- эмпирические исследования различных сфер национальной экономики экономики (Крук Д., Пелипась И., Точицкая И., Чубрик А. и др.);
- христианская нормативная экономическая теория (Голубев С. К., Лукин С.В.).

Несмотря на отмеченное преобладание по преимуществу интуитивного, прагматического и эмпирического подхода в национальной экономической науке последних двух десятилетий, в научных кругах вызревает понимание необходимости глубокого теоретического осмысления процессов, происходящих в современной мир-экономике и в самой экономической науке. Для этого уже есть соответствующая база – практическая и теоретическая.

Все больше авторов приходит к мнению, что переход осуществляется не просто от командной экономики к рыночному хозяйству (первоначально речь шла чуть ли не о переходе к рынку свободной конкуренции), а к новому технологическому способу производства, к постиндустриальной цивилизации, к «новой экономике». Кроме того, пришло понимание того, что этот переход представляет собой системную трансформацию и что она предполагает решение комплекса проблем теоретического, политического, институционального, психологического характера. Наиболее плодотворными в этом плане оказались разработки белорусских авторов, использующих подходы институциональной теории (Байнев В.Ф., Валевич Ю.В., Дорина Е.Б., Лемещенко П.С., Лученок А.И., Морозова Е.Ю., Никитенко П.Г., Осмоловец С.С., Руденков И.А., Черновалов А.В., Шебеко К.К. и др.). На основе широких методологических и теоретических, а также прикладных институциональных исследований им удалось достичь следующих важных научных результатов [6, 10].

Несмотря на ряд существенных достижений, по нашему мнению, к сожалению, в белорусской экономической науке пока не произошло качественного накопления необходимой методологической, инструментальной и информационной базы для перехода на новое исследовательское качество, хотя предпосылки к этому уже имеются явные. Но однозначно можно утверждать, что важную роль на этом пути играет развитие именно в рамках научной парадигмы политической экономии как науки развивающейся. Это означает не назад к политэкономии, а вперед к политэкономии с ее обогащенным предметно-методологическим содержанием и конкретным инструментарием исследования. Сегодня крайне актуальными и нерешенными являются проблемы выбора стратегического пути хозяйственных форм развития, источника и принципов распределения глобальной ренты, сочетания геополитических и национально-державных интересов, определения экономических законов и их соотношения с политико-правовыми инструментами, институтов инновационного развития и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич В.А. История экономических учений : учебно-методический комплекс / В. А. Акулич. – Минск : Издательство МИУ, 2006. – 142 с.
2. Бусько В. Н. Экономическая мысль Белоруссии середины XIX – начала XX в. : очерки / В. Н. Бусько ; под ред. М. В. Научителя. – Минск : Наука и техника, 1990. – 144 с.
3. Ковалев М.М. Исследования на экономическом факультете / М.М. Ковалев // Веснік БДУ. – 2011. – № 3. – С. 87–88.
4. Лаврухина И.А. Экономические исследования на кафедре политэкономии БГУ / И. А. Лаврухина // Вклад ученых БГУ в развитие экономического образования и экономической

- мысли Беларуси. – Минск, 2002. – С. 110–135.
5. Лаврухина И.А. К вопросу о статусе политической экономии социализма / И. А. Лаврухина // Вестник БГУ. – 2006. – № 3. – С. 14–21.
 6. Лемещенко П.С. Экономическая теория институтов в Беларуси: начало становления, тенденции и проблемы развития / П. С. Лемещенко // Постсоветский институционализм – 2006 : власть и бизнес : монография / под ред. Р. М. Нуреева. – Москва : ГУ–ВШЭ, 2006. – С. 488–505.
 7. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции и новые тенденции / П. С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 2011. – 354 с.
 8. Лемещенко П.С. Экономическое образование в XXI в. : требуется смена научно-образовательной парадигмы / П. С. Лемещенко // Вестник БГУ. Серия 3. – 2006. – № 3. – С. 99–105.
 9. Лемещенко П.С. Развитие предмета и методологии экономической науки в контексте современных институциональных изменений : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук : 08.00.01 / П. С. Лемещенко.– Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005.– 48 с.
 10. Лученок А.И. Развитие институционализма в Республике Беларусь / А.И. Лученок, С. С. Осмоловец // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Том 6, № 4. – С. 86–94.
 11. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа = History of economic analysis : в 3 т. / Й.А. Шумпетер ; пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. – СПб. : Экон. шк., 2004. – Т. 1. – LVI, 496 с.
 12. Янченко С. Е. Налог с оборота : теоретический очерк / С. Е. Янченко. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 148 с.

ИМЕЕТ ЛИ ДОВЕРИЕ ЦЕННОСТЬ, ИЛИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ВЛИЯЕТ НА ЭКОНОМИКУ

Длугопольский Александр Владимирович

доктор экономических наук, доцент. Тернопольский национальный экономический университет,
кафедра экономической теории
г. Тернополь, Украина. E-mail: dlugopolsky@mail.ru

Аннотация. В статье обоснована основная проблема развивающихся стран в контексте формирования адекватной институциональной среды социально-экономических реформ – некачественный социальный капитал. Проанализированы основные концептуальные подходы к трактовке категории «социальный капитал» и его основные характеристики. Проведен анализ уровня развития социального капитала в странах ЕС, США и Украины. Исследовано влияние «групп Олсона» и «групп Патнема», обоснованы причины слабого распространения «групп Патнема» в странах с формирующимися рынками, дополнен перечень традиционных транзакционных расходов «расходами беспорядка» и «расходами принуждения и контроля». Сделаны выводы о двояком влиянии институтов на динамику экономического развития стран мира в контексте типов модернизационных стратегий.

Ключевые слова: доверие; социальный капитал; институты; кризис; коррупция; общество

Код УДК: 330.14.01

Annotation. The article deals with the basic problem of developing countries in the context of formation of an adequate institutional framework of socio-economic reforms – low-quality social capital. Main approaches to the interpretation of «social capital» as a category are analyzed. The analysis of social capital development in EU countries, USA and Ukraine is conducted. The influence of «Olson's groups» and «Putnam's groups» is discussed, low level of «Putnam's groups» distribution in economies with emerging markets is analyzed, the list of traditional transaction costs with «disorder costs» and «cost of coercion and control» is supplemented. The conclusions about the dual institutional effect on the dynamics of economic development in a contest of modernization strategies types were made.

Keywords: trust; social capital; institutions; crisis; corruption; society

В условиях формирования новой экономики с особенной актуальностью зазвучала проблема институционального развития и модернизации экономических систем в контексте учета тех составляющих социально-экономического прогресса, которые раньше либо вообще не учитывались в исследованиях ортодоксальной экономической науки, либо затрагивались лишь эпизодически как элементы гетеродоксальной экономики. Особенно характерно это для исследований социального капитала и института доверия.

Большинство современных экономистов убеждены в том, что целью экономической политики является поддержание экономического роста посредством развития рынков, которые представляют собой саморегулирующиеся и равновесные системы, оценивающие риск лучше любого

правительственного учреждения и гарантирующие самое эффективное распределение ресурсов [18]. Однако очередной экономический кризис 2007-09 гг. показал, что рынки не так уж хорошо оценивают риски, а ресурсы на них распределяются порой не слишком рационально. Более того, лишаясь контроля извне, они тяготеют к перманентно сменяющимся периодам взлетов и падений. В связи с этим, Дж. Акерлоф и Р. Шиллер упрекнули экономистов в пренебрежении ключевой значимостью фактора, который в работах Дж.М. Кейнса обозначается, как «animal spirits» – «животный азарт», «жизнерадостность», «нерациональное поведение» [22]. Как справедливо отмечено в исследованиях «Financial Times»: «Важнейшим выводом стало осознание того, что экономисты, равно как и рыночные агенты, должны уделять гораздо больше внимания человеческой психологии, а не сухим цифрам экономической статистики, столь любимым политконсультантами» [32].

Современная модель экономики, по словам Дж. Хоскинга, имеет четыре важнейших недостатка [36]: она игнорирует мораль; она переоценивает значение рациональности и личного интереса; люди рассматриваются в ней в качестве обособленных индивидов, взаимодействующих друг с другом только посредством торговли и потребления; она недооценивает фактор неопределенности.

Еще в «Теории нравственных чувств» А. Смита предложена модель общества, в котором люди мирно взаимодействуют друг с другом без принуждения со стороны. Так происходит потому, что у каждого человека имеется врожденное нравственное чувство, способность к симпатии, желание помочь тем, кто попал в беду. Кроме того, согласно А.Смиту, в любом человеке есть «беспристрастный наблюдатель», сдерживающий присущий нам от рождения эгоцентризм, делая нас чувствительными к тому, как реагируют на наше поведение окружающие и каково их мнение о нас [48]. Ни один человек не способен в одиночку произвести все, что необходимо для элементарного выживания, не говоря уже о комфортной жизни. Отсюда проистекают постоянно усложняющееся разделение труда и то, что А. Смит называл «...склонностью к мене, торговле, обмену одного предмета на другой» [38]. Ведь для того, чтобы вообще согласиться на сделку, необходимо хотя бы минимально доверять противоположной стороне. «Без доверия, испытываемого людьми друг к другу, общество распалось бы, поскольку лишь немногочисленные виды взаимоотношений основываются нами на абсолютно бесспорном знании о другом человеке. И немногие связи устояли бы, если бы доверие между людьми не было бы таким же сильным, или даже сильнее, чем рациональные выкладки или личные наблюдения» [37]. «Рыночная система работает во многом благодаря именно доверию. Инвесторы просто вынуждены вручать свои трудовые сбережения другим людям, и, решаясь на это, они ожидают, что не будут, как минимум, обмануты» [49]. И хотя Г. Зиммель и Дж. Стиглиц говорили о доверии в контексте денег, однако аналогичное сравнение относится и к институтам как субъектам экономики.

Идея, что доверие является ключевым элементом эффективно функционирующего государства и продуктивной экономики, не нова. Еще Аристотель и Платон подчеркивали важность социализации и добродетели в создании основ эффективного общества. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах философов европейского Возрождения и Просвещения. Н. Макиавелли утверждал, что доверчивость и надежность являются совместными добродетелями, необходимыми для политического, социально-экономического развития городов-государств [43]. Во втором Трактате о гражданском правлении [41] Дж. Локк утверждал, что доверие между гражданами и правительством является необходимым условием для установления открытого общества на основе верховенства закона. И хотя категории «доверие» и «социальный капитал» не являются составляющими неоклассической экономической парадигмы, однако они все чаще используются современными учеными для определения степени влияния институциональных переменных на показатели социально-экономического развития. Исследования, проведенные различными экономистами на основе «World Values Survey» и «Penn World Tables» [23, 24, 45]

доказывают, что наибольший уровень экономического развития и общественного благосостояния имеют именно те страны, в которых доверие между индивидами, как и доверие к различным институтам власти, существенно выше, а уровень бюрократии, коррупции и имущественного неравенства – ниже среднестатистических мировых показателей (например, Скандинавские страны, США, Австралия).

Главной проблемой развивающихся стран в контексте формирования институциональной среды, которая служила бы развитию экономики в долгосрочном периоде, является именно некачественный социальный капитал, исследованию которого отечественной наукой уделено недостаточно внимания. «Триаду социального капитала» принято определять через совокупность норм поведения, доверия и сетевой деятельности [13]. Социальный капитал определяется также как совокупность отношений, порождающих действия [2, 3, 10, 16], и эти отношения связаны с ожиданием того, что другие экономические агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Эту одновременную концентрацию ожиданий и обязательств и принято обобщать категорией «доверие» (чем больше обязательств накоплено в обществе, тем более высоким является уровень взаимности и, соответственно, уровень социального капитала). Именно через социальный капитал поддерживается порядок в обществе на основе доверия, взаимоуважения, учет индивидами не только частных, но и общественных интересов (своеобразная институциональная альтернатива государства, посредством чего осуществляется вклад в экономическое развитие в «горизонтальном направлении») [28, 42], а также от запасов социального капитала зависит эффективность функционирования формальных институтов и качество государственного управления (влияние на экономику в «вертикальном направлении»). Формальные институты и социальный капитал взаимодополняют друг друга, поскольку призваны решать общие задачи, а при достаточном запасе социального капитала потребность в государственной регуляции значительно сокращается. Самой важной функцией социального капитала является защита формальных институтов от их нецелевого использования (получение частной выгоды за общественный счет) [12]. В этом аспекте общественным благом особого рода в условиях демократии является подотчетность власти, а действенный контроль общества над властью требует существования такого типа социального капитала, как гражданская культура.

Крупный вклад в изучение социального капитала внес М. Вебер [4, 5], который доказал, что протестантская Реформация была важна потому, что она поощряла честность, взаимность и доверие, играющие решающую роль в становлении западного капитализма, а также выявил и исследовал типы доверительных отношений. Согласно М. Веберу, основаниями возникновения доверительных отношений может быть ценностно-рациональное отношение (основанное на вере в безусловную ценность), традиционное (основанное на длительной привычке), аффективным (эмоциональным, обусловленным аффектами) и целерациональным, то есть формально рациональным типом отношений, в основе которого лежит ожидание определенного поведения людей и использование этого ожидания в качестве условий и средств для достижения рационально поставленной и продуманной своей цели [14]. Заложено М. Вебером понимание доверительных отношений с точки зрения рациональности было развито в концепциях экономического человека и экономического поведения.

Позже Дж. Барбалет развил идею рассмотрения доверия как социальной эмоции и определил доверие буквально по аналогии с тем, как М. Вебер определял социальное действие: «уверенность, связанная с ожиданиями относительно интенций других» [5, с. 96]. Социальное действие внутренне мотивировано, его субъект ожидает от других людей определенной ответной реакции, что выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия [10, с. 625-626].

Исследования по теме доверия с использованием методологического и методического аппарата

теории рационального выбора были выполнены Дж. Коулменом [10], в которых он развил концепцию влияния доверия на развитие структур гражданского общества (его идеи нашли отображение в теории обобщенного доверия как элемента социального капитала). Доверие – необходимый компонент любого сотрудничества, но как особый тип поведения оно особенно актуально в экстремальных ситуациях. Дж. Коулмен обратил внимание на специфическую роль «системы доверия» в становлении профсоюза «Солидарность» в Польше, а также распространении различных сект в США [28]. В конечном итоге «экспансия доверия» усиливает дальнейшее воспроизводство этих отношений и их распространение на все сферы жизни общества [14]. В контексте теории доверия высокий научный интерес представляет именно парадигма социального капитала, возникающего и функционирующего в контексте отношений между индивидами как «любое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для одного или более агентов» [10].

Ф. Фукуяма изложил концепцию «радиуса доверия», предположив и доказав, что эффективность экономики страны зависит от радиуса доверия, присущего тому или иному обществу: если радиус небольшой (ограничен родственными и дружескими связями), то экономические отношения не столь эффективны, как могли бы быть [17, с. 179-181]. Е. Остром [44] изучала проблему доверия в контексте переплетения формальной и неформальной экономики, разделяя социальное доверие на «социальный капитал вне правительства» и «социальный капитал в правительстве». Данную тематику развивает Д. Гамбетта, выявивший механизмы формирования солидарности и доверия в сицилийской мафии и обозначив важность концептуального разделения доверия и надежности [35].

Известный исследователь феномена социального капитала и его роли в экономическом развитии Р. Патнем под ним понимает способность объединений индивидов к коллективным действиям ради достижения общей цели [46]. Проблема коллективных действий возникает в связи с предупреждением возможных «фиаско рынка» из-за несогласованности частной и общественной выгоды, когда действия участников исключительно в собственных интересах не обеспечивают Парето-оптимального использования имеющихся ресурсов (однако могут способствовать равновесию по Нэшу). «Рыночных фиаско» помогает избежать согласованная координация действий, при которой каждый участник отказывается от индивидуально наилучшего решения ради общего блага, в результате чего получает более высокий уровень выгод, чем в случае отсутствия координации. Фактически эта неформальная часть институциональной среды в качестве общественного ресурса «подкармливает» «модернизацию снизу», тогда как формальные нормы и правила способны способствовать «модернизации сверху».

Исследователи социального капитала нередко сталкиваются с проблемой того, что «количественные исследования этого феномена «страдают» от несовершенства методологии и качества данных» [7]. И хотя учеными уже сформирован приблизительный перечень показателей социального капитала в контексте инклюзии индивидов в социальную сеть и ее определяющие черты (например, распространенность практик донорства, волонтерства, благотворительности, уровень коррупции, уклонение от уплаты налогов, степень привлечения общественности в процесс принятия политических решений, количество объединений граждан, активность избирателей, количество зарегистрированных преступлений, количество абонентов сети Интернет или мобильной связи) [21, 40], которые позволяют оценить благоприятность той или иной институциональной среды, все они связаны, преимущественно, с внешними факторами влияния на мотивацию (например, осуждение общественностью за уклонение от благотворительных пожертвований в интересах больных и бедных, угроза санкций за несоблюдение налогового и антикоррупционного законодательства, государственная поддержка доноров и «подкуп» избирателей). Более интересной, на наш взгляд, является проблема внутренней мотивации в стимулировании развития социального капитала. Некоторые ученые [33] приводят случаи

нарушения дипломатами правил парковки автомобилей в стране пребывания как классический пример нехватки внутренней мотивации. Дискриминация мигрантов по разным признакам (расы, религии, языка, этнической принадлежности, гражданства) [15] также может служить примером недостаточного развития социального капитала в той или иной стране. Однако поскольку оценить влияние внутренних факторов на социальный капитал посредством метода формализации практически невозможно, это способствует междисциплинарной коммуникации экономики, социологии, права, а также интеграции экономических концепций в другие общественные науки. Р. Коуз по поводу ситуаций отсутствия достоверных данных при анализе социально-экономических процессов сформулировал теорию «экономики классной доски», в которой акцентировал внимание на невозможности учета всех факторных признаков и отсутствия потребности это делать. «Зачастую экономическая политика рассматривает лишь те ситуации, которые решаются на классной доске. Вся необходимая информация задана заранее, а учитель «играет» за всех участников сразу: определяет цены, устанавливает налоги и распределяет субсидии (на доске) ради повышения общего благосостояния. В реальной же экономической системе нет никакого учителя. Нет никого, кому бы были доверены задачи, решаемые на классной доске» [9]. Таким образом, каждый экономический агент действует в условиях неопределенности и риска, сформированных «правил игры», которые весьма трудно изменить, сравнивая свои выгоды с потерями, и на основе этого формируя стратегию поведения в определенной институциональной среде.

Среди большого количества форм капитала (экономический; природный; человеческий; организационный; символический; культурный) именно социальному в большей мере присущи признаки общественного ресурса, ведь его основу формирует сеть социальных связей, используемая для трансляции информации, экономии ресурсов, усиления доверия между партнерами, формирования индивидуальной репутации и превращения ее в достояние сообщества, мобилизации ресурсов для реализации общественных проектов, распространения достоверной информации между экономическими агентами, взаимного обучения правилам поведения. Однако в контексте теории коллективных действий М. Олсона [11] нельзя однозначно утверждать, что социальный и политико-административный капиталы используются индивидами исключительно для достижения общественных целей и повышения эффективности функционирования организаций общественного сектора экономики. Условно можно разделить индивидов на две категории: «группы Патнема», целью деятельности которых является достижение общественной выгоды, сотрудничество и координация действий (концепция *homo gesticans*), повышение прозрачности власти, и «группы Олсона», которые преследуют собственные цели (концепция *homo economicus*), создают и распределяют блага исключительно между членами клуба.

Полагаем, что соотношение вышеописанных групп в обществе зависит от институциональной среды, в которую «встроен» аппарат государственного управления, особенно – от уровня развития социального капитала. Подтверждением тому является работа С. Нека и Ф. Кифера «Содействует ли социальный капитал экономическому выигрышу?» [40], которые в начале 1990-х гг. провели масштабные исследования уровня развития социального капитала в развитых и развивающихся странах. Результаты их научных разработок позволяют утверждать, что в странах с развитой институциональной средой, высоким уровнем доверия к власти и значительным объемом ВВП на душу населения доминируют «группы Патнема» по сравнению с «группами Олсона» [37, 39, 40].

Результаты исследований 2010-х гг. в разрезе индикаторов уровня доверия, поддержки, чувства справедливости, социальных контактов и развития гражданского общества (табл. 1) позволяют утверждать, что страны с развитой экономикой являются лидерами практически по всем показателям развития социального капитала (например, Дания, Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Швейцария, Швеция), тогда как Турция, Болгария, Румыния, Греция существенно отстают по уровню его развития даже от среднестатистических данных. Украина только по показателю гражданской активности (1,92 балла) удерживает лидерство среди стран постсоветского

пространства, тогда как в России, например, более высокими являются индикаторы чувства справедливости (5,03 балла) и возможности обсуждения проблем (0,91 балла).

Таблица 1

Социальный капитал в странах мира, 2011-2012 гг.

Страны	Уровень доверия в обществе (1-10)	Чувство справедливости (1-10)	Уровень поддержки (1-10)	Социальные контакты (1-7)	Возможность обсуждения проблем (0-1)	Гражданская активность (1-5)
Дания	6,92	7,27	6,20	4,42	0,93	1,95
Норвегия	6,62	6,89	6,04	4,48	0,93	1,94
Финляндия	6,45	6,78	5,74	4,09	0,92	1,76
Швеция	6,35	6,66	6,10	4,38	0,92	1,94
Нидерланды	5,89	6,33	5,45	4,42	0,92	1,85
Швейцария	5,70	6,37	5,58	4,22	0,95	1,71
Ирландия	5,45	5,98	6,05	3,87	0,92	1,75
Эстония	5,44	5,80	4,89	3,54	0,85	1,48
Великобритания	5,27	5,68	5,62	3,99	0,92	1,73
Израиль	5,25	5,50	4,87	4,22	0,82	1,68
Бельгия	5,13	5,91	4,77	4,16	0,88	1,71
Испания	4,90	5,29	4,44	4,35	0,95	1,62
Германия	4,84	5,92	5,01	3,71	0,94	1,72
Чехия	4,67	5,28	4,29	3,74	0,81	1,52
Кипр	4,58	4,86	4,39	3,25	0,89	1,69
Франция	4,45	5,80	4,50	4,22	0,88	2,03
Литва	4,41	4,73	3,91	2,85	0,83	1,60
Словения	4,32	4,99	4,82	3,49	0,92	1,62
Хорватия	4,17	4,44	3,52	4,45	0,89	1,49

Страны	Уровень доверия в обществе (1-10)	Чувство справедливости (1-10)	Уровень поддержки (1-10)	Социальные контакты (1-7)	Возможность обсуждения проблем (0-1)	Гражданская активность (1-5)
Польша	4,17	4,90	3,67	3,28	0,89	1,57
Венгрия	4,15	4,62	4,31	2,76	0,93	1,44
Латвия	4,12	5,27	4,98	3,69	0,83	1,60
Словакия	3,99	4,58	4,07	3,57	0,87	1,47
Украина	3,98	4,33	3,63	3,52	0,85	1,92
Россия	3,94	5,03	4,03	3,38	0,91	1,59
Греция	3,92	3,68	3,32	3,21	0,92	1,83
Румыния	3,79	3,67	3,36	2,81	0,69	1,45
Португалия	3,65	4,96	3,81	4,39	0,86	1,43
Болгария	3,43	4,28	3,13	3,87	0,88	1,97
Турция	2,29	3,18	2,98	3,67	0,59	1,47
Средний уровень	4,74	5,30	4,58	3,80	0,88	1,68

Источник: Fidrmuc J. How Persistent is Social Capital? [31]

На рис. 1 приведена диаграмма уровня доверия граждан США к различным общественным институтам, которая позволяет констатировать, что общий уровень доверия, несмотря на последствия финансово-экономического кризиса, остается достаточно высоким (76% – к армии, 57% – к полиции, 48% – к церковным организациям, 43% – к бизнесу). Упал он лишь по отношению к СМИ (23%), банковским учреждениям (26%), судам (28%).

Несмотря на то, что социальный капитал элит положительно влияет на работу органов власти – ведь доверие в среде политиков и чиновников, а также общие демократические ценности, которые они исповедуют, способствуют повышению эффективности работы общественного сектора экономики (исследования, проведенные в Германии, Великобритании, Италии и Польше подтверждают эту зависимость [27, 29, 30]), в модели политико-экономического круговорота чаще доминируют «группы Олсона». Это связано с несколькими факторами: во-первых, в странах с невысокими показателями уровня жизни населения, которых на карте мира больше, чем стран с высокими стандартами социально-экономического развития, индивиды имманентно стремятся к удовлетворению первоочередных потребностей, а потому исповедование принципов поведения «групп Олсона» не только в сфере бизнеса, но и в социальной, политической активности граждан становится будничным явлением; во-вторых, сочетание высокого спроса на государственную

регуляцию с недоверием к государству и неудовлетворенностью работой органов власти во многих развивающихся странах (так называемый «парадокс социального капитала») является главной причиной поиска политической ренты и нежелания индивидов присоединяться к «группам Патнема»; в-третьих, для эффективного функционирования «групп Патнема» нужно осуществлять перманентные инвестиции в организационное и информационное обеспечение развития социального капитала, а ожидание результата от согласованных действий экономических агентов может длиться достаточно долго, тогда как «группы Олсона» достигают целей и распределяют «клубные блага» со значительно меньшими затратами ресурсов.

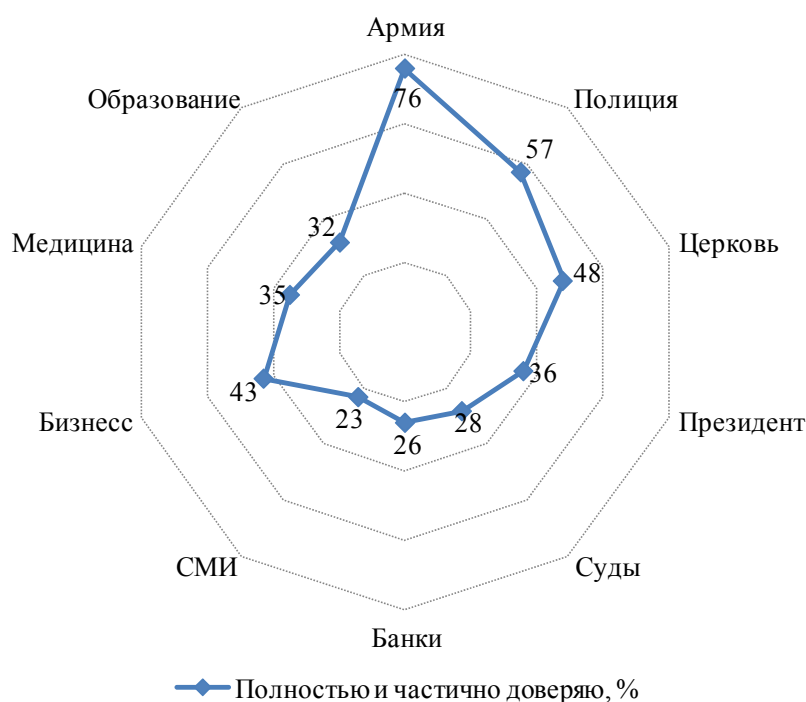

Рис. 1. Уровень доверия граждан США к различным институтам, 2012 г.

Источник: Gallup Analytics [34]

Таким образом, «миграция» индивидов из одной группы в другую является, преимущественно, одновекторной (из «групп Патнема» в «группы Олсона»), тогда как противоположное направление движения требует кардинальных экономических сдвигов, реального «диалога» власти и граждан, демократии, политической стабильности, социальной безопасности, что присуще развитым странам с длительной историей развития гражданского общества, и с трудом «вживляется» в среду, где длительное время исповедовались иные ценности.

Ярким примером отсутствия доверия в обществе является Украина, где как Президенту, Верховной Раде, Кабинету Министров, полиции, СБУ, судам, прокуратуре, так и политическим партиям, банкам население больше не доверяет, чем доверяет (табл. 2). Не вызывает сомнений, что после событий ноября-декабря 2013 г. на Евромайдане в Киеве и других городах Украины, связанных с несоблюдением властью намеченных евроинтеграционных стратегий, а после – и избиением участников мирных демонстраций, уровень доверия граждан ко всем государственным

институтам без исключения упал до критического минимума. А январь 2014 г. с расстрелами граждан Украины показал всю несостоятельность властной элиты как катализатора эффективных реформ, направленных на повышение жизненного уровня граждан страны, а не реализации исключительно узкокорпоративных интересов «тех, кто у кормушки». Так, согласно исследованиям Фонда «Демократические инициативы» [50], лишь три общественных института имеют позитивный баланс доверия-недоверия (все они – негосударственные): церковь (+40%), СМИ (+19%), общественные организации (+2%). Наибольшим же уровнем недоверия пользуется Верховная Рада Украины (-54%), суды (-52%), прокуратура и полиция (-48%), политические партии (-44%), Конституционный суд Украины (-40%) и т.д. В таких условиях возврат доверия возможен исключительно посредством кардинальных реформ институтов государственной власти по европейским либо грузинским аналогам.

Таблица 2

Уровень доверия/недоверия граждан Украины к государственным и негосударственным институтам, 2012 г.

Институт	Абсолютно или в большинстве случаев не доверяют, %	Полностью или в большинстве случаев доверяют, %
ВРУ	76,8	16,3
Суды	72,3	15,9
Кабмин	71	22,3
Полиция	70	22,7
Партии	69,2	17,6
Президент	68,9	25,8
Банки	67,3	22,9
Прокуратура	63,5	20,6
Конституционный суд	59,1	21
СБУ	48,5	34,4
Местное самоуправление	47,3	42,3
Армия	37,2	48,6
Общественные организации	35,6	38,4
СМИ	33,8	58,3
Церковь	19,9	70,1

Источник: Голубев А. Падающая башня [6]

Немало зарубежных экономистов [25], обосновывая важность поддержки доверия в обществе, апеллируют к исключительной роли социального капитала в процессе снижения неявных расходов общества и институционального прогресса. Речь идет о «расходах беспорядка» и «затратах принуждения и контроля», которые не учитываются в теории трансакционных расходов (к классическим их видам принято относить расходы на поиск информации, затраты на осуществление переговоров и заключение контрактов, затраты измерения, затраты спецификации и защиты прав собственности, затраты оппортунистического поведения) [8, с. 458]. «Расходы беспорядка» возникают в результате избыточных расходов на защиту соглашений и проектов, которые могут быть не реализованы из-за отсутствия доверия между экономическими агентами, на экономическую и личную безопасность, преодоление дефицита общественных благ и «упадка» социальной сферы, борьбу с нерегулируемыми экстерналиями (горизонтальное влияние). «Расходы принуждения и контроля» связаны с усилиями по консолидации общества со стороны государства, стимулирование политической активности граждан (вертикальное влияние), и именно качественное развитие социального капитала способствует экономии этой части расходов.

Вышеприведенные расходы не следует путать с отдельными видами трансакционных расходов, поскольку именно «расходы беспорядка» свидетельствуют о неэффективном функционировании общественного сектора экономики, который не обеспечивает надлежащего уровня общественных благ (выполнение им функций *de jure* не отвечает *de facto*), в результате чего экономические агенты расходуют дополнительные ресурсы на защиту своих прав, а «расходы принуждения и контроля» характерны для стран с неразвитым гражданским обществом («плата за отсутствие демократии»). Например, ненадлежащее качество автомобильных дорог в Украине и России является причиной многочисленных ДТП, убытки от которых исчисляются не только стоимостью потерянного имущества, но и здоровьем и жизнью граждан. Возмещение же нанесенных убытков организациями, которые несут ответственность за качество общественного блага «автомобильная дорога» через судебную систему в условиях «слабости» институтов гражданского общества часто является нереальным (бюрократизм, коррупция, пробелы в законодательстве). К тому же не хватает исследований, которые бы обосновывали потери общества из-за инвалидности или смерти граждан (в стоимостном выражении недополученного ВВП, величины неуплаченных налогов) по сравнению с расходами на надлежащее содержание автомобильных дорог или качественное финансирование прочих общественных благ. Аналогичная ситуация во многих развивающихся странах сложилась в сферах здравоохранения, образования, государственного управления, безопасности и обороны, поскольку государство, конституционно «закрепляя» и признавая права граждан на тот или иной вид общественных благ, из-за некачественной работы организаций общественного сектора экономики не выполняет свои функции, а граждане зачастую предпочитают коррупционные механизмы усилиям по консолидации институтов гражданского общества для решения существующих социально-экономических проблем.

Такая ситуация является следствием существования двух типов институциональных эффектов: хреодного (греч. *chre* – предопределен, *odos* – путь), на котором базируется теория «*rath dependency*» (англ. – зависимость от прошлого), и гиперселекции. «Хреодный эффект» связан с тем, что по определенным случайным причинам (благоприятная внешняя среда) то или иное явление начинает развиваться по неоптимальной траектории, «сойти» с которой со временем становится все труднее [19]. Селекционный отбор здесь не действует, или его результаты начинают проявляться лишь в исторически отдаленной перспективе [20]. Эффект гиперселекции касается того, что некоторые неэффективные, неконкурентоспособные институты, тем не менее, захватывают определенную «институциональную нишу» и удерживают ее [1]. В этом случае речь идет не только о природных монополиях, но и о ситуациях, когда «институционально слабые» государства искусственно поддерживают неэффективное с точки зрения общества распределение ресурсов в интересах определенного круга лиц (например, система государственных закупок во многих

развивающихся странах базируется на «откатах», злоупотреблении привилегированным положением, мошенничестве, тогда как качественная институциональная среда развитых стран позволяет свести к минимуму проявления таких «институциональных ловушек»¹.

Подводя итог сказанному, отметим двойственное влияние институтов на динамику экономического развития – здесь присутствует как позитивная составляющая, так и негативная. Все зависит от начальных условий, определяющих успех реформ. Дело в том, что даже незаметные на первый взгляд исторические события на протяжении длительного периода не должны отбрасываться по той простой причине, что они довольно часто служат основанием для того или иного явления. Такие события являются своеобразным институциональным ограничением, которое вследствие инертности политической, технологической, институциональной структур могут довести систему экономики до «расширения» или «свертывания» обмена.

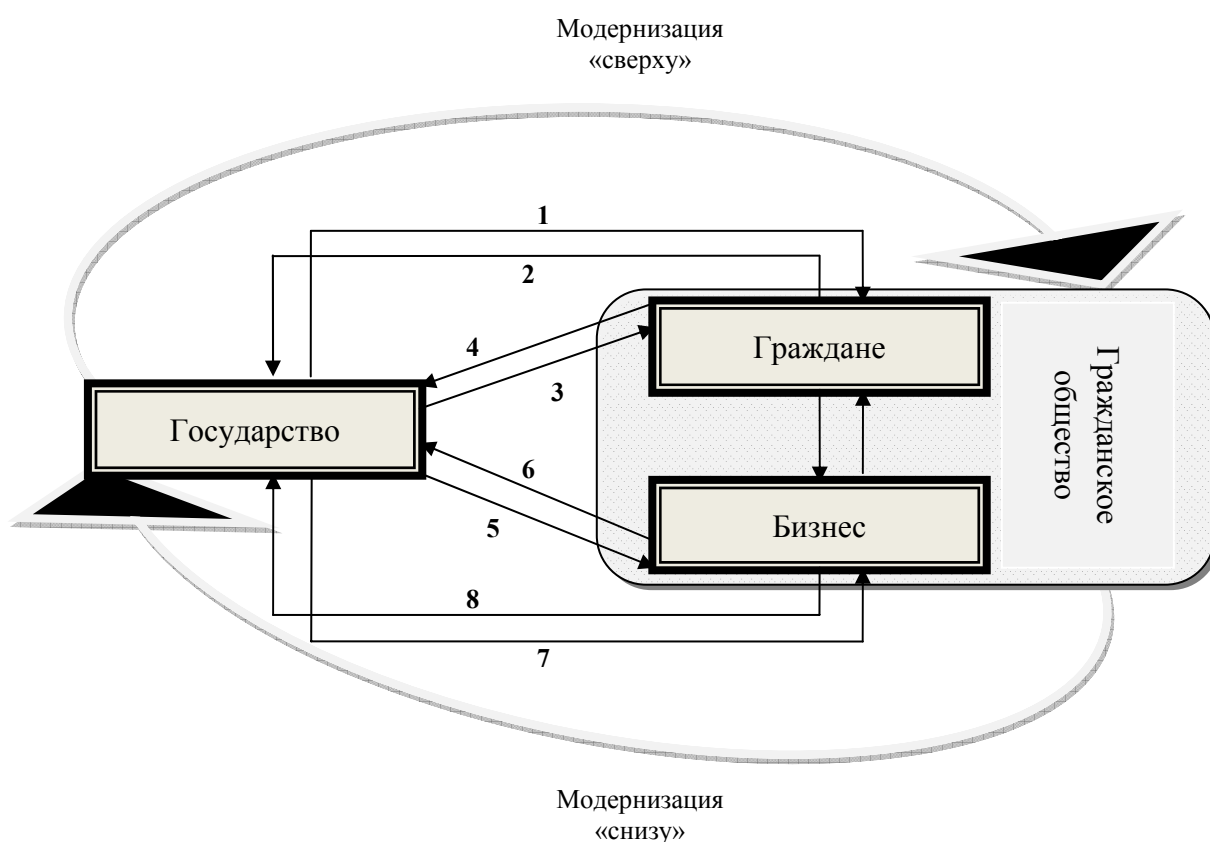

Рис. 2. Модель взаимодействия государства и институтов гражданского общества

Рисунок 2 построен автором. На рисунке государство (стрелки 1, 7) обеспечивает целостность и стабильность системы, а также использует технологические и институциональные инновации (стрелки 3, 5) относительно субъектов гражданского общества. Тогда как граждане и представители бизнеса должны приспосабливаться («институциональная адаптация») к вызовам внутренней и внешней среды (стрелки 2, 8), а также контролировать власть, довлея на нее (стрелки 4, 6). Между собой граждане и бизнес взаимодействуют как продавцы и покупатели факторов производства, одновременно реализуя друг перед другом определенные обязательства – стрелки 9, 10 (например,

¹ По данным SFO, за период 2001-2009 гг. вследствие разглашения конфиденциальной информации в сфере государственных закупок в машиностроительной, нефте- и газодобывающей отраслях (Иран, Россия, Египет, Сингапур, ОАЭ) государствам был нанесен ущерб почти на 100 млн. долларов.

социальная ответственность бизнеса).

Неэффективность начального набора институтов вследствие случайных исторических событий приводит к тому, что система начнет воспроизводить неэффективные состояния до тех пор, пока не возникнет новая ситуация (как то целенаправленное влияние «модернизации сверху» или «модернизации снизу» – рис. 2). В развивающихся странах (в том числе и в Украине), чрезмерная централизация политической системы и жесткая «вертикаль власти» часто сужают пространство для общественной инициативы, резко сокращают возможность применения социального капитала с целью улучшения показателей уровня жизни населения и стимулирования роста экономики. Все это стимулирует протестное поведение населения, поскольку других средств для диалога с властью уже не находится (власть «не слышит» граждан).

Концепция доверия соотносится с понятием социального капитала и определяется как «совокупность отношений, связанных с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций» [14]. В условиях дефицита системного доверия и противоречивости существующих формальных норм и правил в Украине, как и во многих странах с формирующимися рынками, происходит блокада официально декларируемых институтов и официальных взаимодействий. Данное обстоятельство неизбежно приводит к коррупционным взаимодействиям, ставшим своеобразным индикатором неэффективности институциональных преобразований. «Модернизация снизу» также блокируется таким фактором, как отсутствие доверия граждан к органам власти и уверенности в том, что коллективные или индивидуальные усилия, направленные на защиту нарушенных прав, могут обеспечить наличие позитивных результатов. Поэтому для того, чтобы сформировать благоприятные институциональные ожидания в тех странах, где имеются довольно «слабые» институты, во-первых, следует увеличить прослойку среднего класса, который заинтересован в улучшении институтов и, во-вторых, необходимо уменьшить стимулирование поведения, которое отклоняется от желаемого («проблема фрирайдера», коррупция, «диссертационная ловушка» и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгинов А.И. Институциональная экономика : хредный эффект / А.И. Безгинов // Эффективна економіка. – 2011. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economy.nauka.com.ua>.
2. Бузгалин А.В. «Социальный капитал» как превратная форма генезиса посткапиталистических отношений / А.В. Бузгалин // Альтернативы. – 2010. – №4. – С.4-32.
3. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993.
4. Вебер М. Класс, статус и партия / М. Вебер // Социальная стратификация. – Вып.1. – М., 1992. – С.19-38.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма : Избр. произв. / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С.61-272.
6. Голубев А. Падающая башня / А. Голубев // Корреспондент. – 2013. – №25(564). – С.17.
7. Гуриев С. Три источника – три составные части экономического империализма / А. Гуриев // Общественные науки и современность. – 2008. – №3.
8. Історія економіки та економічної думки : ХХ – початок ХХІ ст. : навч. посіб. / За ред. В.В.Козюка, Л.А.Родіонової. – К. : Знання, 2011.
9. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М. : Дело, 1993.

10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2001. – №3. – С.122-139.
11. Олсон М. Логика коллективных действий : общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М. : Фонд экономической инициативы, 1995. – 165 с.
12. Полищук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия / Л. Полищук // *Вопросы экономики*. – 2008. – №8. – С.38-44.
13. Полищук Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // *Вопросы экономики*. – 2011. – №12. – С.46-65.
14. Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе : экономико-социологический анализ / Г.С. Ромашкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content>.
15. Степанова О.В. Накоплення соціального капіталу в системі інтеграції мігрантів / О.В. Степанова // *Ефективна економіка*. – 2012. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economy.nauka.com.ua>.
16. Сысоев С.А. К вопросу происхождения категории «социальный капитал» / С.А. Сысоев // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*. – 2011. – Вып.40-2. – С.213-218.
17. Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию : [пер. с англ.] / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : Хранитель, 2006.
18. Хоскинг Дж. Экономика доверия / Дж. Хоскинг // *Неприкосновенный запас*. – 2010. – №5(73). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/ho7.html>.
19. Чаусовский А. Формальное и неформальное в экономике / А. Чаусовский. – Донецк, 2001. – 206 с.
20. Ющенко Н.К. Институциональные ловушки в переходной экономике / Н.К. Ющенко, Е.А. Чаусовская // *Наукові праці ДонНТУ. Серія : економічна*. – 2006. – Вип.103-2. – С.60-66.
21. Янишівський В.М. Методичні підходи до інтегральної оцінки інтелектуального капіталу регіону / В.М. Янишівський // *Демографія та соціальна економіка : Науково-економічний та суспільно-політичний журнал*. – 2010. – №2(14). – С.16-25.
22. Akerlof G.A. Animal Spirits : How Human Psychology Drives the Economy and Why It Matters for Global Capitalism / G.A. Akerlof, R.J. Shiller. – Princeton : Princeton University Press, 2009.
23. Alesina A. Corruption, Inequality and Fairness / A. Alesina, G.-M. Angeletos // *Journal of Monetary Economics*. – 2005. – №52/7. – P.1227–1244.
24. Alesina A. Fairness and Redistribution / A. Alesina, G.-M. Angeletos // *American Economic Review*. – 2005. – №95/4. – P.960–980.
25. Almond G. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. Almond, S. Verba. – Princeton : Princeton University Press, 1963.
26. Barbalet J. Emotion, Social Theory, and Social Structure : A Macro-sociological Approach / J. Barbalet. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
27. Casey T. Social Capital and Regional Economies in Britain / T. Casey // *Political Studies*. – 2004. – Vol.52. – №1. – P.96-117.
28. Coleman J.S. Foundations of Social Theory / J.S. Coleman. – Cambridge : Harvard University Press, 1990.

29. Cusak T. Social Capital, Institutional Structures and Democratic Performance : a Comparative Study of German Local Governments / T. Cusak // *European Journal of Political Research*. – 1999. – Vol.35. – №1. – P.1-34.
30. Dzialek J. Social Capital and Economic Growth in Polish Regions / J. Dzialek // *MPRA Working Paper*. – 2009. – №18287.
31. Fidrmuc J. How Persistent is Social Capital? / J. Fidrmuc // *CEDI Working Paper*. – 2012. – №12-04. [Electronic resource]. – Access mode : <http://cedi.org.uk>.
32. *Financial Times*. – 2010. – 10 April. – P.9. [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.ft.com/home/europe>.
33. Fisman R. Corruption, Norms and Legal Enforcement : Evidence from Diplomatic Parking Tickets / R. Fisman, E. Miguel // *Journal of Political Economy*. – 2007. – Vol.115. – №6. – P.1020-1048.
34. Gallup Analytics [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.gallup.com/poll/1597/confidence-institutions>.
35. Gambetta D. Mafia : The Price of Distrust Trust : Making and Breaking Cooperative Relations / D. Gambetta. – University of Oxford, 2000. – P.158-175.
36. Hosking G. Trust : Money, Markets and Society / G. Hosking [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.eurozine.com>
37. Inglehart R. Codebook for World Values Surveys / R. Inglehart. – Ann Arbor : Institute for Social Research, 1994.
38. Kennedy G. Adam Smith: A Moral Philosopher and His Political Economy / G. Kennedy. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. – P.218-222.
39. Knack S. Social Capital and the Quality of Government : Evidence from the States / S. Knack // *American Journal of Political Science*. – 2002. – Vol.16. – №4. – P.772-783.
40. Knack S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, Ph. Keefer // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – Vol.112. – №4. – P.1251-1288.
41. Locke J. The Second Treatise of Civil Government / J. Locke. – London : Simon & Brown, 2012.
42. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences / G. Loury // *Women, Minorities and Employment Discrimination*. – Lexington : Lexington Books, 1977.
43. Machiavelli N. The Prince. 2nd ed. / N. Machiavelli. – Chicago : University of Chicago Press, 1998.
44. Ostrom E. An agenda for the study of institutions / E. Ostrom // *Public Choice*. – 1986. – №48. – P.3-25.
45. Papaioannou E. Trust(ing) in Europe? How increased social capital can contribute to economic development / E. Papaioannou [Electronic resource]. – Access mode : www.thinkingeurope.eu.
46. Putnam R. Making Democracy Work : Civic Tradition in Modern Italy / R. Putnam. – Princeton: Princeton University Press, 1993.
47. Simmel G. The Philosophy of Money / G. Simmel. – London : Routledge, 1990. – P.178-179.
48. Smith A. An Enquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. – Vol.1 / A. Smith. – Oxford : Clarendon Press, 1976.
49. Stiglitz J.E. The Roaring Nineties: Seeds of Destruction / J.E. Stiglitz. – London : Allen Lane, 2003. – P.274.

50. The Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation (DIF) [Electronic resource]. – Access mode : <http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/dkokbkerpkhopk.htm>.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В СССР В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНЫХ ЭКОНОМИСТОВ И ИСТОРИКОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Гордеев Артем Анатольевич

аспирант. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра экономической теории,
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: gordeev89@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена характеристике взглядов западных ученых советского периода на индустриализацию 1930-х годов. Автор показывает, что в этих взглядах преобладала характеристика ошибок и неудач советской индустриализации. В то же время западные ученые, по мнению автора, не обращали большого внимания на успехи и достижения в проведении индустриализации. В постсоветский период такая точка зрения стала преобладать в публикациях отечественных экономистов и историков.

Ключевые слова: индустриализация в СССР; западные экономисты и историки советского периода; репрессии; ошибки и неудачи в проведении индустриализации; развитие; исследование; результаты индустриализации

Код УДК: 330.342.2

Annotation. This article reviews opinions of western scientists of soviet period on the industrialization in USSR. The author shows that there negative mark of mistakes of soviet industrialization prevails in this opinions. At the same time western scientists of soviet period didn't pay main attention to successes of industrialization. This negative mark has started to prevail in articles of Russian scientists in post soviet period as well.

Keywords: industrialization in USSR, western scientists of soviet period; repressions; mistakes in realization of industrialization; development; research; results of industrialization

Я думаю, что сегодня нельзя не согласиться с точкой зрения Л.И. Абалкина и Е.А. Иванова, которые утверждали: «Экономическая история советского периода до сих пор не получила достаточно объективной оценки» [1, с. 4]. Этот вывод приложим и к оценке периода индустриализации. Обширная советская литература, его освещавшая, представляет данный объект как мощное движение от победы к победе. И действительно, фактов, иллюстрирующих успехи индустриализации советской экономики, очень много. А вот с падением социалистической системы маятник оценок резко качнулся в другую сторону. Экономическая история советского периода, и в том числе этапа индустриализации, стала представляться теперь в публикациях отечественных специалистов как череда провалов, ошибок и преступлений. Для иллюстрации этой оценки подбираются далеко не полные факты, которым дается соответствующая негативная информация. И в этом подходе-оценке, считаю, отечественные экономисты и историки – вовсе не новаторы. Они позаимствовали указанную критичность в работах западных коллег советского периода, которые акцентировали главное внимание на репрессиях, ошибках и неудачах советской индустриализации 1930-х годов, а не на ее успехах и достижениях.

Наиболее обстоятельный обзор выступлений многих западных советологов, экономистов и историков содержится, на мой взгляд, в монографии В.И. Тетюшева, вышедшей в 1978 году [2, с. 85-154], в связи с чем указанная книга приобретает особую актуальность сегодня, когда задача новой индустриализации предстала для РФ объективной необходимостью. Так, в данной монографии справедливо, по моему мнению, отмечено, что еще в 1930-е годы политика советской индустриализации подвергалась критике У. Чемберлином «не как таковая, поскольку была необходима», а как политика, предопределившая «чрезмерно напряженные темпы и ненужные жертвы» [2, с. 86].

Этот акцент на «издержки» потом в течение десятилетий отстаивала западная историография. Так, в 1960-х гг. Х. Сетон-Уотсон пишет, что «форсированное развитие тяжелой индустрии легло ужасной ношей на всех граждан Советского Союза» хотя и признает, что Россия за годы Советской власти добилась «внушительных успехов», из отсталой «превратилась в один из индустриальных гигантов XX века» [2, с. 87]. Западные историки и экономисты в это время пытаются убедить читателей, что советский опыт индустриального развития не подходит для других стран как неоправданно «дорогостоящий», антигуманный. Так, Д. Боулс уверяет, что «СССР дает наиболее неудовлетворительную модель для нации, заинтересованной в быстром экономическом развитии», поскольку его опыт не соответствует «моральному климату в современном мире» – поэтому лидеры стран, освободившихся от колониальной зависимости, должны искать образец «относительно более гуманный», они должны обращаться к историческому примеру «западной цивилизации» [там же]. В таком же ключе и бывший президент США Л. Джонсон в статье «Что хотят знать иностранцы о США?» утверждал, что «советская система достигает своих целей за счет благосостояния своего населения», что «лидеры тех новых стран, которые идут по пути России, толкают свои народы на опасную тропу» [там же].

Западные специалисты по истории советского общества сосредоточили внимание на ошибках советской политики в области индустриализации, оценивая эту политику «с точки зрения других альтернатив». В. Клатт, например, рассуждает: «Если бы Ленин прожил долгие годы после кронштадтского мятежа, его прагматическое мышление могло бы взять верх над его революционным пылом, и его новая экономическая политика вместо того, чтобы стать временно целесообразной мерой, может быть, стала бы начальным этапом процесса индустриализации «черепашьим шагом», как предлагал Бухарин» [2, с. 88]. Метод индустриализации, который пытались навязать партии и стране троцкисты, игнорировавший материальную заинтересованность трудящихся и предполагавший эксплуатацию крестьянства, многие западные эксперты пытались выдать за «официальный» советский метод. Без каких-либо оснований отождествляя генеральную линию ЦК партии троцкистской, они противопоставляли ей бухаринскую правооппортунистическую политику. Этот тезис оказался, например, в центре внимания участников дискуссии по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, развернувшейся на страницах журнала «Slavic Review» в 1973 году. Ее участники сошлись на том, что «у СССР были альтернативные пути экономического роста», что «интересная альтернатива», выдвинутая Бухариным, позволила бы осуществить «цели большевиков» без «драконовских методов» [2, с. 89].

Западные советологи не отрицали, что «бухаринская теория органического развития народного хозяйства из сельского хозяйства» предполагала «замедленную индустриализацию» (В. Гофман, С. Кэмпбелл), индустриализацию «черепашьим шагом» (В. Клатт) [2, с. 89]. Они выражали сожаление, что ВКП(б) отвергла такой курс, который, по их мнению, избавил бы советский народ от лишений и страданий, поскольку Бухарин и Рыков «выступали за лучшие отношения с Западом, чтобы получить оттуда капиталы и опыт» [там же], что «враждебность могла бы уступить место сотрудничеству с Западом» [2, с. 89-90]. В. Клатт так разъяснял смысл такого сотрудничества: «В этом случае Россия была бы обязана в течение некоторого времени обменивать избыточный продукт своей зерновой экономики на сельскохозяйственное и промышленное оборудование

Запада» [2, с. 90]. Его поддерживал Н. Спалбер, который тоже считал, что политика Бухарина, согласно которой «темпы развития экономики в целом должно было задавать сельское хозяйство», привела бы к «установлению прочных связей с мировым рынком» [там же].

Таким образом, западным советологам пришлось по душе правооппортунистическая теория эволюционного самотека в области индустриализации, которая не оставляла Советскому Союзу иной перспективы, кроме как стать сырьевым придатком и рынком сбыта капиталистических стран. Например, А. Эрлих прямо возлагает ответственность за трудности в индустриализации в СССР на советское правительство, которое «недооценило экономическую теорию, предлагавшую пустить индустриализацию на самотек и начать ее непременно с легкой промышленности» [там же].

Западные историки, отождествляя политику ВКП(б) в области накопления с троцкизмом, усматривали ее проявление в практике высоких цен на промышленные товары в годы социалистической индустриализации. Хотя в действительности, считаю, надо признать, что правящая в СССР Коммунистическая партия приложила немало усилий, чтобы преодолеть многочисленные попытки Преображенского, Пятакова и других троцкистов осуществить на практике «теорию первоначального социалистического накопления» путем установления максимально высоких цен на промышленные товары. XV съезд партии, подводя итоги борьбы с троцкизмом, указал в своей резолюции на необходимость «решительно и раз навсегда осудить оппозиционный лозунг повышения цен, который ударил бы по потребителю, привел к подрыву сельскохозяйственной базы в промышленности, застопорил технический прогресс в индустрии» [2, с. 92].

Нельзя, считаю, не признать, что за лозунгом «сверхиндустриализации» скрывалось капитулянтство троцкистов перед трудностями социалистического строительства, поскольку оно проявлялось каждый раз, как только дело шло о практическом осуществлении планов. Так, Троцкий выступил против плана ГОЭЛРО, как и Рыков, считавший, что с электрификацией «не надо спешить» [2, с. 92]. В 1923 году Троцкий выступил с предложением закрыть Путиловский, Брянский и другие заводы [2, с. 92-93]. В 1925 году, когда партия предпринимала усилия с целью осуществления быстрой индустриализации и достижения экономической независимости страны, троцкисты призывали к тому, чтобы страна довольствовалась ролью аграрно-сырьевого придатка капиталистического Запада. Это проявилось в составленном под руководством Пятакова (Особым совещанием по воспроизводству основного капитала при президиуме ВСНХ СССР – ОСВОК) пятилетнем плане, который был планом замедленного развития индустрии и основой которого явилась теория «затухания темпов», выдвинутая Пятаковым. Например, по «плану ОСВОК» предусматривалось систематическое сокращение капиталовложений в крупную промышленность (в 1926/27 г. – 1953 млн. руб., а в 1929/30 г. – 1060 млн. руб.) [2, с. 93]. Троцкисты, таким образом, в деле индустриализации не шли дальше правых оппортунистов, ратовавших за «ситцевую» индустрию.

Правда, борьба партии с правыми и троцкистами по вопросам индустриализации нашла отражение в западной историографии уже в то время. Как писал в 1931 году Б. Хоппер, правая оппозиция «хотела замедлить темпы индустриализации» [2, с. 95], а У. Чемберлин констатировал, что Рыков, Томский и Бухарин «подняли голоса протеста против ускорения индустриализации» [там же].

В целом же со времен первых пятилеток и в последующие десятилетия западные историки и экономисты не оставляли попыток дискредитировать метод преимущественного развития производства средств производства. Однако этот метод привлекал внимание тех стран, которые искали наиболее короткий и эффективный путь к прогрессу. Не случайно, например, редактор вышедшей в 1974 году книги «Экономическое развитие России от Петра Великого до Сталина» У.Л. Блэквелл, констатируя, что «советский экономический прогресс вызывает большой интерес»,

указал при этом на «советский метод индустриализации» [2, с. 97-98]. В работах западных советологов этой проблеме придавалось особое значение, при этом многие авторы (Н. Спалбер, Ф. Шуман и другие) отождествляют выбор метода индустриализации с определением «стратегии экономического роста», «альтернативы социального развития» [2, с. 98].

Исходя из трактовки индустриализации нашей страны как явления «искусственного», насаждаемого сверху, западные историки и экономисты характеризовали метод ее проведения как принудительный, насильственный. Они утверждали, что советская экономическая система функционировала независимо от действия экономических законов. Например, профессор К.Б. Гувер писал в 1931 году, что «экономическая организация» в СССР «основана на силе и дисциплине» [2, с. 98]. Эта мысль прослеживается в западной историографии и на последующих ее этапах. Так, У. Чемберлин, рассматривавший советскую экономику с такой позиции еще в 1930-х годах, и в 1965 году указывал на «государственное управление экономикой» и «однопартийное правление» как на главные черты советской системы, которые «остаются неизменными» [2, с. 98]. По утверждению Н. Ясного, принудительный метод накопления является «ключом» советской индустриализации [2, с. 99]. В «Справочнике по коммунизму». Изданном в Нью-Йорке в 1962 году, утверждалось, что в советской экономике «конечной экономической санкцией является голая сила» [там же].

Анализ западной историографии и публикаций экономистов того периода обнаруживает настойчиво проводимую мысль о тождестве понятий «принудительная» и «плановая экономика». Так, в сборнике «Политика 20 века», изданном в 1967 году в ФРГ, категорически утверждалось: «Плановая система, независимо от ее экономической необходимости и выгоды, является решающим средством для партии навязывать свои цели экономике и обществу и делать их обязательными для каждого человека» [2, с. 99]. А чтобы придать видимость объективности подобным утверждениям, западные эксперты пытались противопоставить практически-политическую линию партии в области индустриализации идеям Маркса. Так, Э. Беттхер утверждает, что, согласно учению Маркса и Энгельса, «социализм может возникнуть только из созревшего, т.е. высокоразвитого, капитализма» и что этого уровня русский капитализм не достиг, а потому после победы Октябрьской революции большевистской партией была «разработана и проведена в жизнь хитроумная система принуждения...». Отсюда делается вывод, что в результате «внесена весьма существенная поправка в марксистское учение», а развитие истории совлечено «с предначертанного Марксом пути» [2, с. 100].

К принудительному методу индустриализации, утверждали западные эксперты, большевистская партия вынуждена была прибегнуть еще и по другой причине – потому что трудящиеся СССР отказывались поддерживать ее экономическую политику как не отвечающую объективным потребностям развития страны и обрекавшую их на невероятные лишения. Эти лишения были неизбежны в стране, где не было объективных условий для построения социализма, уверяли западные авторы. «Необходимость принуждения определялась необходимостью жертв, поскольку нельзя было рассчитывать на сознательное отношение к историческому процессу у людей, от которых эти жертвы требовались», – писал по этому поводу В. Гофман [2, с. 100]. Подобные рассуждения были характерны и для Дж. Мартине, У. Фулбрайта, Г.С. Левина и других западных экспертов [там же].

Данный тезис западной историографии получает развитие в утверждении о «неразрешимости противоречий», «различии интересов» между социалистическим государством, с одной стороны, и отдельными членами общества – с другой в связи с осуществлением индустриализации. «Антииндустриальной силой» объявляют прежде всего крестьянство, а некоторые авторы идут дальше, уверяя, что политика индустриализации, проводившаяся коммунистической партией в СССР, не нашла поддержки у советского народа. Вот как, например, И. Дейчер, объясняет причину, по которой партия вынуждена была прибегнуть к принуждению: «Большевики поставили перед

собой задачу индустриализации уже после того, как почти исчерпали политическое доверие в массах» [2, с. 101].

Западные эксперты, «не замечая», что темпы советской индустриализации были вопросом жизни и смерти первого социалистического государства, обрушивались как раз с особой критикой на чересчур высокие ее темпы. Так, в ходе дискуссии в 1973 году по первому пятилетнему плану Х. Гюнтер и другие участники сделали попытку переоценки советской индустриализации. При этом Х. Гюнтера не устроили «завышенные» плановые задания по ведущим отраслям народного хозяйства – тяжелой промышленности, транспорту – и «недостаточные» ассигнования на жилищное строительство, производство потребительских товаров, сельское хозяйство. Рассматривая итоги первой пятилетки, Х. Гюнтер характеризует перевыполнение плановых заданий в области тяжелой промышленности, транспорта, производства тракторов для сельского хозяйства как ее «негативные стороны» [2, с. 102].

Правда, ряд западных специалистов (в том числе и Х. Гюнтер) признает, что одной из причин, обусловившей необходимость опережающего роста тяжелой промышленности, была угроза военной интервенции, но находятся и такие авторы, которые не останавливаются перед обвинением СССР в том, что он проводил индустриализацию не ради повышения жизненного уровня народа, а «исключительно с целью наращивания промышленного потенциала страны для ведения агрессивных войн» [2, с. 104].

С тезисом о насильственном характере советской индустриализации в западной историографии и публикациях экономистов того периода непосредственно связан и тезис о лишениях и бедствиях, которые индустриализация принесла народным массам. Западные эксперты утверждают, что Советское государство, изыскивая источники накопления, и не мыслило иного пути, как только через навязывание народным массам аскетического образа жизни. Г.С. Динерштейн, например, характеризуя политику большевиков, утверждает, что «они решили пожертвовать настоящим поколением для будущего» [2, с. 106]. З. Бжезинский и С. Хантингтон, также характеризуя советский метод индустриализации как «насильственный», пишут, что, начиная с 1928 года советский народ жил бедно и «эту бедность государство провозгласило своей политикой» [там же].

При анализе западной историографии и публикаций экономистов того периода можно отметить большой интерес экспертов к проблеме накопления, в особенности к тому, что при социалистической индустриализации в СССР норма накопления оказалась выше, чем в капиталистических странах. На этом основании западные советологи утверждают, что капитализм в значительно большей степени способен удовлетворить потребительские нужды масс. И. Фетшер, например, говоря о «больших удержаниях от продукта труда» в СССР, которые обеспечили «необычайно быстрый рост накоплений в советской тяжелой промышленности», указывает как на преимущество капитализма на то, что накопление «в таком масштабе ... в западном мире невозможно» [2, с. 107]. Д. Ингрэм пишет, что «в США экономика непосредственно направлена на удовлетворение населения в товарах народного потребления, тогда как в СССР главной целью является создание и укрепление мощной индустриальной базы за счет производства товаров потребления» [там же].

В связи с этим нельзя не видеть, что источники накопления капиталов для индустриализации в значительной степени были обусловлены исторической обстановкой. Те источники, которые питали капиталистическую промышленность Запада при ее становлении, были либо недоступны, либо неприемлемы для Советского государства, противоречили его общественному строю. Ведь источниками индустриального развития стран капиталистической Европы были нещадная эксплуатация собственных народов, ограбление более слабых государств, выкачивание богатств из колоний. Это признают и сами западные историки. Б. Вольф, например, писал в 1928 году: «Англия

индустриализировалась путем безжалостной эксплуатации колоний в течение нескольких столетий... Германия индустриализировалась путем войны, завоеваний, в которых она захватила железорудные и угольные районы Эльзас-Лотарингии, взыскав 5 млрд. франков военных репараций» [2, с. 113]. Опоздав ко времени массовых колониальных захватов, США создали колонию внутри страны, введя рабство. Как справедливо заметил американский историк и публицист Г. Аптекер, главный вклад Африки в развитие американского капитализма, помимо прибылей, обеспеченных работоторговлей, заключался «в даровом и принудительном труде миллионов негров на протяжении двух с лишним столетий» [2, с. 114]. Кроме того, американская индустрия – это и плод нещадной эксплуатации «белых рабов» – рабочих, законтрактованных в Западной Европе, которые составляли почти половину иммигрантов. Американский историк Э. Келлог писал, например, что эксплуатация промышленных рабочих была еще ужаснее, чем эксплуатация рабов на Юге [2, с. 114]. К тому же история американского капитализма – это еще и история ограбления и истребления коренных жителей – индейцев, а также эксплуатации народов Латинской Америки, колониальной экспансии. У. Фостер характеризовал 140-летний период истории США между войной за независимость и первой мировой войной как «эпоху беспримерных капиталистических захватов, грабежа и эксплуатации». «Это была оргия «свободного предпринимательства», и над всем господствовал закон джунглей», – подчеркивал он [2, с. 114-115].

Тем не менее появившийся в работах западных авторов вместе с рождением первой пятилетки тезис о том, что успехи индустриализации в СССР стали возможны лишь игнорированием заботы о потребительском спросе, – широко распространялся и в последующие десятилетия. Так, Д.Н. Вествуд, оценивая в своей книге «Россия. 1917-1964» советские пятилетки, утверждал, что быстрая индустриализация в СССР имела своей единственной целью «оснащение Советского Союза средствами производства». Что же касается производства товаров народного потребления для населения, то такая задача, по его мнению, «рассматривалась как очень второстепенная необходимость» [2, с. 116]. Поддерживает эту оценку А. Бергсон, который утверждает, что «экономической расплатой за быструю индустриализацию» явилось «резкое сокращение реальной заработной платы» [2, с. 126]. В этом же ключе следуют утверждения А. Майера, что «непосредственным результатом пятилетних планов было ухудшение положения рабочего класса»; Н. Ясного, что в лучшем случае «индустриализации не сопутствовало повышение жизненного уровня населения»; А. Вебера, что, «несмотря... на великолепный технический прогресс», условия жизни широких слоев населения «не улучшились» [там же].

Правда, суждения западных экспертов «не постригаются под одну гребенку». Например, профессор Йельского университета в США Ф. Бархорн заявил в связи с 50-летием Октябрьской революции: «В принципе Советский Союз всегда следовал политике улучшения благосостояния...» [2, с. 129]. Однако, по нашим наблюдениям, «погоду делают» в западной историографии при оценке советской индустриализации совсем другие суждения. Типичным для них является сделанное полвека назад заявление тогдашнего американского сенатора Дж. Фулбрайта, который, признавая, что Советское государство «превратило в течение жизни одного поколения отсталую Россию в могучую современную промышленную державу», одновременно утверждает, что это достижение является результатом «тяжелого труда» и принуждения ... «граждан к огромным жертвам» [2, с. 131]. И именно такие публикации и суждения западной историографии советского периода, как представляется по итогам наших наблюдений, были взяты в постсоветский период за основу отечественной историографией в оценке индустриализации СССР.

Необходимость преодоления такого взгляда на советскую индустриализацию представляется сегодня настоящей, поскольку без учета советского опыта осуществления индустриализации, как нам уже приходилось показывать [3, 4, 5, 6, 7], невозможен успех новой индустриализации в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая история СССР : очерки / руководитель автор. коллектива Л. И. Абалкин. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 496 с.
2. Тетюшев В. И. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные «критики» / В. И. Тетюшев. – Москва : Политиздат, 1978. – 216 с.
3. Гордеев А.А. Учет уроков индустриализации в СССР как фактор успешности новой индустриализации в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>.
4. Гордеев А.А. Учет уроков индустриализации в СССР как фактор успешности новой индустриализации в России / А. А. Гордеев // Теоретическая экономика как научное направление: проблемы развития в современных условиях : коллективная монография по материалам международной конференции, Ярославль, 6 апреля 2012 г. / ред. колл.: А.Е. Кальсин (пред.) [и др.]. – Ярославль, 2012. – С. 357–368.
5. Гордеев А.А. Кадровый и финансовый источники новой индустриализации: возможности использования отечественного опыта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economics.open-mechanics.com/articles/724.pdf>.
6. Гордеев В.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов? / В. А. Гордеев, А. А. Гордеев // Труды Вольного экономического общества России. – Москва, 2012. – Т. 163. – С. 194–208.
7. Гордеев В.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации / В. А. Гордеев, А. А. Гордеев // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Экономика». – 2012. – Вып. 1. – С. 63–64.

ПРОБЛЕМА ОБОСТРЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кафедра «Макроэкономика», действительный член Академии философии хозяйства
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация. Данная работа посвящена важному и актуальному вопросу. Автор показывает, что главная причина конкуренции в современной экономике – это объективно-исторически сложившаяся неравномерность социально-экономического развития стран. А в конкурентной борьбе естественно и стремление, и реальная внешнеэкономическая политика стран Запада по недопущению возрождения производственного потенциала России. Навязанные рыночные реформы не помогают сгладить сложившуюся неравномерность социально-экономического развития, потому что объективно, по своей сути, рыночная экономика не сглаживает, а обостряет диспропорции.

Ключевые слова: неравномерность социально-экономического развития; современная экономика; рыночная экономика; конкуренция; ресурсы; рост

Код УДК: 330.34

Annotation. This article is devoted to an important and actual problem. The author shows that the main reason of the competition in the contemporary economy is the inequality of a social and economic development of different countries. In a competitive situation western countries do not want to admit a recovery of the production in Russia. Market reforms for Russia suggested by the West can only intensify contradictions.

Keywords: inequality of a social and economic development; contemporary economy; market economy; competition; resource; growth

Проблема неравномерного социально-экономического развития стран мира актуальна и злободневна в современных условиях. Универсалистские претензии Запада на общемировую гегемонию сегодня стали все чаще приводить к межцивилизационным конфликтам. Особенно велико противостояние между Западом и исламским миром, а также Китаем, все более и более усиливающим свои позиции на геополитической и геоэкономической карте мира. Исключением не является и Россия.

Экономические условия бытующего способа производства современной рыночной экономики неминуемо вызывают неравномерное развитие отдельных составных частей теперь уже глобализированной экономики. Это проявляется в быстрых темпах развития одних предприятий, отраслей, стран при медленных темпах развития и даже упадке других. Так в 2011 году, согласно индексу развития человеческого потенциала, Норвегия признана самой благополучной страной в мире. В пятерку наиболее благополучных стран вошли также Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты и Ирландия. Россия занимает 66 место в этом ежегодном рейтинге. Об этом

сообщается в новом отчете о развитии человека, подготовленном Организацией Объединенных Наций [5].

Другим следствием вышеозначенного процесса стала широкомасштабная миграция в развитые страны объединенной Европы, где она существенно исказила не в лучшую сторону рынок труда. При этом не следует забывать, что беспредельное «дробление» бизнеса до создания микропредприятий объективно снижает национальную конкурентоспособность, – в частности, технологический уровень страны¹.

Что же касается России, то, рассматривая ее экономику как элемент в системе мировых экономических интересов, можно констатировать, она является серьезным потенциальным конкурентом развитым странам – странам Запада. Вследствие чего естественным, как и в любой конкурентной борьбе, является проведение ими (развитыми странами Запада) внешнеэкономической политики, способствующей недопущению возрождения производственного потенциала России. Как известно, Россия же день за днем, год за годом лишается своей жизненной основы – производства и высококвалифицированного труда [4, с. 2-5].

Неравномерность социально-экономического развития стран, – находит ли она конкретное выражение в неодинаковом темпе роста материальных производительных сил различных стран в один и тот же исторический период, или в несогласованном росте отдельных ветвей национального капитала, или, наконец, в диспропорциональном развитии двух крупных подразделений какой-либо отрасли экономики, отчетливо выступает на всех ступенях эволюции капиталистической системы хозяйствования².

Однако капиталистическая система не остается равной самой себе. Ее развитие (интенсивный и экстенсивный рост социально-экономической системы, структурные изменения, усложнение и обострение социально-экономических противоречий и т.д.) в каждый данный момент по-своему преломляет содержание неравномерности развития. Один характер имеет неравномерность на заре истории капитализма, другой – на его более высокой ступени развития.

Наиболее общей предпосылкой неравномерности развития является анархическая структура капиталистической социально-экономической системы. В этих условиях невозможно обеспечить поступательное планомерное развитие национального хозяйства, установить необходимые пропорции в распределении, в частности, рабочей силы между различными хозяйственными сферами. Однако данное обстоятельство и по сей день преподносится как свобода выбора индивида в свободном обществе. В итоге развитие капиталистической (рыночной) экономики осуществляется неравномерно через нарушения требующихся пропорций и соотношений, так тщательно сохраняемых и соблюдаемых внутри любого капиталистического предприятия.

Квинтэссенцией неравномерного развития отдельных составных элементов капиталистической системы хозяйствования выступает стремление владельца средств производства максимизировать свою прибыль. Капитал как самовозрастающая стоимость не развивает те отрасли и сферы хозяйства, в которых общество испытывает потребность. В первую очередь, если и не в последнюю, «раскручиваются» те области, которые обеспечивают ему (капиталу) возможность наивысшего самовозрастания в данных конкретно-исторических условиях. Собственники средств производства не имеют своей целью удовлетворение потребностей населения. Потребление имеет

¹ Президент Чехии Клаус признал, что вступление Чехии в ЕС превратило ее в «объект выкачивания денег». Это касается всех стран Восточной Европы.

² Неравномерность развития отдельных звеньев процесса производства начала проявляться еще в простом товарном хозяйстве. Имея своей основой частную собственность на средства производства, простое товарное хозяйство порождало конкуренцию среди товаропроизводителей, неравномерное развитие их мелких предприятий. Однако, поскольку в докапиталистических формациях товарное хозяйство не являлось господствующей формой производства, неравномерность развития отдельных предприятий не могла еще стать закономерностью.

значение для них лишь постольку, поскольку оно связано с реализацией товаров и обеспечивает им возможность извлечения прибыли. «Норма прибыли, – писал К. Маркс, – это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» [8, с. 294].

В итоге все возрастающие массы населения отвлекаются от производительного труда и сосредотачиваются в торговле, банковском деле, маркетинге, рекламном бизнесе и т.д. В результате «паразитизм» современного общества нарастает и проявляется в том, что все больше и больше людей занято непроизводительным, и далеко не полезным обществу трудом, и, напротив, относительно уменьшающаяся масса общественного труда затрачивается на производство материального и духовного богатства. Численность трудоспособного населения в Российской Федерации за годы либерально-демократических реформ увеличилась на 6 млн. человек, однако количество работающих в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве – т.е. тех, кто производит товары, значительно уменьшилось. «Причем число работающих в промышленности сократилось за период реформ на 8 млн. человек, более чем на треть. Этих рабочих мест уже нет, как нет многих предприятий, где они были. Что же касается численности работающих в сельском хозяйстве, то это понятие относительное. Житель села, числящийся в сельхозпредприятии, чаще пьющий, чем работающий, и получающий зарплату значительно меньшую, чем прожиточный минимум, – это не работающий»... [6, с. 25].

Действительно, современная рыночная экономика не ставит своей задачей сколько-нибудь сгладить растущую диспропорцию, а преодолевает (и усиливает) неравномерность развития путем закрепления за собой отсталых (неразвитых, малоразвитых или деградировавших и разрушенных) участков мирового хозяйства в качестве сырьевых и продовольственных баз. Этот процесс сказывается в том, что данные страны периферийного капитализма включаются в сферу раздела между экономическими интересами крупного транснационального капитала и попадают в экономическую зависимость в непосредственной или переходной форме от стран-метрополий. Эта зависимость выражается в овладении и подчинении внутреннего денежного рынка иностранному финансовому капиталу, в установлении «дочерней» зависимости туземной промышленности и банков от международного финансово-олигархического капитала. Все это происходит путем системы участия в основных капиталах или контроля над большинством акций, и, наконец, путем системы внешних займов и долговых платежей³.

В современную эпоху глобализации мировой экономики в результате окончательного раздела рынков, возможность внезапного расширения рынков (как это произошло в начале 90-х годов XX столетия благодаря распаду социалистической социально-экономической системы) оказалась исчерпанной. А экстенсивная форма неравномерного развития стала невозможной для рыночной системы. Такое положение дел предвидел еще К.Маркс, которому принадлежит следующая формулировка противоречия между способностью индустрии к безграничному расширению и все замедляющимся расширением рынков: «...Рынок расширяется медленнее, нежели производство... Если бы расширение рынка шло нога в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства... Рынок имеет географические границы...» [8, с. 1116-1120].

Таковую же принципиальную позицию поддерживала Роза Люксембург, изложенную ею в труде «Накопление капитала» и отраженную во «Введении в политическую экономию» при характеристике тенденций капиталистического хозяйства. Суть этих тенденций она сводила, в конечном счете, к нарастанию противоречий между капитализмом и некапиталистической средой, то есть простыми товаропроизводителями, обрекаяющим его на неизбежную гибель. Признавая, что «капиталистический способ производства сам по себе мог бы еще пережить колоссальное

³ Часто такого рода зависимость сопровождается политической аннексией.

расширение, если бы ему удалось повсеместно вытеснить более отсталые формы производства», она вслед за этим писала: «Но именно в ходе этого развития капитализм запутывается в основном противоречии: чем в большей мере капитализм вытесняет более отсталые формы производства, тем теснее становятся созданные стремлением к прибыли границы рынка для той потребности в расширении производства, которую проявляют уже существующие капиталистические предприятия. Все это станет совершенно ясным, если мы на один момент представим себе, что развитие капитализма зашло так далеко, что на всем земном шаре все, что производится человеком, производится им капиталистически... Тогда невозможность существования капитализма обнаруживается с полной ясностью» [7 с. 324-325].

Значительное влияние на усиление неравномерности социально-экономического развития стран в эпоху глобализации мировой экономики оказывает также экспорт капитала, являющийся, в свою очередь, результатом этой неравномерности развития. Вывоз капитала сдерживает развитие производительных сил внутри стран-метрополий. В них усиливается так называемый «паразитизм», растущие массы капиталов оттягиваются от производительного использования внутри страны. В связи с чем либеральными идеологами самому западному среднему классу и населению стран, освободившихся от тоталитарного правления «коммунизма», навязывается миф о том, что на Западе уже построено общество постиндустриального типа.

Что же реально происходит сегодня? Чем же отличаются друг от друга социально-экономические системы образца 30-70-х годов XX столетия и начала XXI века? На самом деле мы видим те же перенаселенные города с теми же предприятиями конвейерного производства...

Многие сторонники существования постиндустриального общества могут возразить, что в Европе этих самых предприятий стало намного меньше, население занято другим трудом (если вообще чем-нибудь занято), производство сокращено, рабочих специальностей крайне слабо пользуются спросом... все же... само по себе сокращение количества индустриальных предприятий отнюдь не свидетельствует о том, что социум этот этап «переступил». Ибо население «постиндустриального» Запада потребляет товары, изготовленные на предприятиях «индустриального» мира. И только в мифах предметы изготавливаются за секунды, люди лишь только управляют машинами, а бремя непосильного физического труда несут заменившие рабочих-людей роботы и т.д. При этом высокоразвитые «постиндустриальные» экономики временно ускользают из ловушки удорожания финансовых издержек, переходят к стимулированию своего потребительского спроса. Процесс производства они отдают на аутсорсинг в отсталые в научно-техническом отношении страны с низкооплачиваемой рабочей силой, обеспечивая с помощью финансовых механизмов возврат на свои потребительские рынки товаров, произведенных в этих странах.

Современная международная обстановка является ярчайшим примером того, что неравномерность в социально-экономическом развитии стран мира – реальность. Современная система мирового хозяйства развивается на основе капиталистических принципов – острой конкурентной борьбе за долю в мировом денежном доходе, за лучшие условия экспорта и импорта национальной продукции. Практика показывает, с какой настороженностью со стороны высокоразвитых стран встречается подъем экономики любой страны. Это со всей очевидностью проявляется на примерах Индии, Китая, стран Южной Америки и др.

Войны, будучи порождением неравномерности социально-экономического развития стран а также являющиеся способом выхода из мальтузианской ловушки наравне с голодом и эпидемиями, в свою очередь, приводят к дальнейшему обострению этой неравномерности. Используя ослабление своих конкурентов, победители и сильные мира сего, укрепив свои позиции, в погоне за максимальными прибылями захватывают значительную долю мирового рынка.

Вся история развития человечества свидетельствует об исчезновении одних государств и народов и возвышении других. И сегодня темпы экономического роста одних стран повышаются, несмотря на глобальный системный экономический кризис, других – сокращаются.

И несмотря на очевидность этого факта, отношение к явлению неравномерности как к закону или закономерности не получило отражения ни в «Экономикс», ни в многочисленных учебных пособиях, изданных и издаваемых в России за последние 20 лет. Западная экономическая мысль умалчивает этот закон. Все это свидетельствует о том, что игнорирование процесса неравномерности в социально-экономическом развитии стран мира противоречит требованиям и запросам позитивной экономической науки⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альпидовская М. Л. Национальные экономические интересы как приоритет в программе модернизации национальной экономики / М. Л. Альпидовская, А. А. Свитич // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 20 (113).
2. Индекс развития человеческого потенциала информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс] : гуманитарные технологии и развитие человека : экспертно-аналитический портал. – Москва, 2002. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>. – Дата доступа: 02.03.2014.
3. Калабеков И. Российские реформы в цифрах и фактах (справочное издание) / И. Калабеков. – Москва : РУСАКИ, 2007. – 288 с.
4. Люксембург Р. Введение в политическую экономию / Р. Люксембург. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 326 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс ; отв. ред. П. Н. Ключкин ; науч. ред. П. Н. Ключкин, Л. Л. Васина, Р. Г. Хаиткулов, Д. Е. Шестаков. – Москва : Эксмо, 2011. – Т. III. – 1200 с. – (Серия: Капитал. Карл Маркс).

⁴ Впервые на действие этого закона обратил внимание В.И. Ленин. Также закономерностью мирового капиталистического хозяйства является и непрерывная борьба за рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники сырья и дешевой рабочей силы.

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ СИЛ КОНКУРЕНЦИИ МАЙКЛА ПОРТЕРА И ОЦЕНКА ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НА РЫНКЕ ЗНАНИЙ

Мелиховский Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра информационных и сетевых технологий
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: melikhovsky@mail.ru

Аннотация. В статье дается критическая оценка сил конкуренции М. Портера как элементов состязательности в сфере регулирования спроса и предложения на продукты производства, обосновывается их проявление на развивающемся рынке знаний.

Ключевые слова: конкурентное взаимодействие; сотрудничество; рынок; рынок знаний; государство; отрасль

Код УДК: 339.137.2

Annotation. This article provides a critical assessment of M. Porter's competitive forces as an element of competition in the regulation of supply and demand for food production, explains their manifestation in the emerging market of knowledge.

Keywords: competitive interaction; cooperation; market; market of knowledge; state; branch

В процессе развития рынок знаний становится элементом конкурентной среды, типичной для социально развитых обществ. Это проявляется не только на внутреннем, но и на мировом рынке труда и знаний. Однако, по нашему мнению, многие вопросы остаются нерешенными, в том числе особенности сил конкуренции на новом рынке.

Силы конкуренции активно исследовались с 80-х годов 20 века в связи с идеями М. Портера. Он сформулировал концепцию пяти сил конкуренции, которые регулируют взаимодействие участников рынка при определении соотношения спроса и предложения на товары. Им предложены следующие правила, которые можно сгруппировать в такие блоки. Первый – соперничество между продавцами товара одной отрасли, между продавцами товаров – заменителей из других отраслей. Здесь расхождение интересов ограничивается борьбой за удовлетворение потребности покупателей в определенном товаре (или его заменителе) и стремлением не допустить на рынок новых агентов.

Второй блок – конкурентный контроль, то есть принятие решения о продаже в соответствии с условиями поставки ресурсов для производства товаров – сырья, энергии, материалов, рабочей силы со стороны поставщиков ресурсов за условиями сделок и одновременный контроль покупателей за условиями сделок (цена, предпродажное и послепродажное обслуживание, доставка и т.д.). Такая классификация пяти сил конкуренции М. Портера позволяет более точно определить границы их влияния на взаимодействие участников рынка. Однако при всей важности этих сил конкуренции их уже недостаточно для оценки современной конкурентной среды. Некоторые

участки конкурентного поля не всегда попадают в сферу регулирования общества или же не полностью соответствуют потребностям рынка. Поэтому считаю целесообразным добавить еще следующие силы:

а) взаимодействие государства и фирм как участников рынка при решении вопросов тарифного, таможенного регулирования и безопасной поставки качественного товара потребителю,

б) обеспечение государством юридически равных условий конкурентного соперничества между национальными и зарубежными фирмами на национальном рынке, защита интересов национальных фирм на рынках иностранных государств,

в) развитие институциональной среды рынка как условия нормального функционирования конкурентного поля деятельности.

По сути, мною предлагается третий блок, который призван регулировать роль государства в развитии конкурентной среды, предотвращать попытки ограничения конкуренции в интересах отдельных фирм или административных структур (министерств, региональной власти).

Однако этого также недостаточно для оценки конкурентной ситуации на вновь развивающихся рынках. Дело в том, что исследование сил конкуренции М. Портера в основном акцентируется на производственном секторе экономики как более приспособленном к оценке конкурентной ситуации. Действительно, в нем можно сравнительно точно оценить затраты и результаты деятельности, определить временные рамки процессов. В других сферах это сделать зачастую затруднительно. Например, в сфере образования не сразу можно определить качество подготовки кадров, уровень затрат на дополнительное образование, сроки и объемы переподготовки специалистов. Тем самым силы конкуренции М. Портера не имеют универсального характера, как утверждают А. Томпсон и Д. Формби [1]. Они имеют специфику в разных сферах деятельности, в частности, в области образования, рынка знаний.

В литературе обычно выделяются следующие признаки конкурентного взаимодействия субъектов нового рынка знаний. На первом месте находится традиционная конкуренция как состязание за удержание своей ниши рынка, за определение равновесной цены, получения прибыли. Остальные свойства вытекают из этой деятельности, в том числе разорение конкурентов, обеспечение научно-технического прогресса. Такова общая оценка признаков, которая вытекает из содержания пяти сил конкуренции М. Портера. Однако в последнее время появились и другие подходы. Так, Г.Б. Клейнер в середине нулевых годов выделяет следующие особенности экономики знаний как сферы рыночной конкуренции:

- индивидуализация товара,
- индивидуализация сделок,
- многообразие функций знаний,
- персонализация знаний,
- профессиональная среда [общения – В.М.] для производителей знаний,
- сочетание соперничества и сотрудничества между агентами на рынке знаний.

Обобщая свою оценку, Г.Б. Клейнер делает очень важный вывод: на рынке знаний происходит переход конкуренции в новое качество – в сочетание соперничества организаций и их сотрудничества в целях обеспечения совместной и эффективной для общества профессиональной деятельности по развитию знаний и их использованию на производстве. Таких форм сотрудничества у организаций – конкурентов уже сейчас достаточно много, в том числе совместное использование дорогостоящего оборудования, специализация научных планов, обмен опытом и

кадрами, проведение научных конференций, создание научно-образовательных ассоциаций.

На основании данных признаков предлагаю авторскую оценку конкурентных сил на рынке знаний. Первое – соперничество между продавцами таких научных и образовательных технологий, которые позволяют быстрее, чем конкуренты, познавать и оценивать рынок. По словам Арие де Геус (Arie de Geus) из компании Shell, «способность познавать быстрее своих конкурентов, по-видимому, есть единственное устойчивое конкурентное преимущество». Второе – соперничество и сотрудничество между продавцами по созданию новых знаний и их воплощению в новые продукты и услуги. Третье – сотрудничество между продавцами знаний и потребителями тех необходимых для деятельности знаний, которые находятся за пределами организации. Четвертое – контроль производителя за качеством поставляемого на рынок интеллектуального ресурса (знаний, профессиональных кадров). Пятое – контроль со стороны потребителя за сроками и качеством разрабатываемых и заказанных у производителя интеллектуальных и человеческих ресурсов. Шестое – государственно-частное партнерство при институционализации процессов развития рынка знаний.

Таким образом, предлагается не только модификация сил конкуренции, но и их новое наполнение. Такой подход позволяет не только определить пути развития конкурентного взаимодействия участников, но и оценить степень зрелости этих отношений в настоящее время. Пока можно констатировать низкую степень их зрелости и недооценку российским научным сообществом необходимости перехода на конкурентную модель развития рынка знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика фирмы / Артур Томпсон, Джон Формби ; Общ.ред. Ю. В. Шленов. – М. : Бином, 1998. – 544 с.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РЕКЛАМЫ: ДИНАМИКА КОНКУРЕНЦИИ

Фурманов Михаил Игоревич

студент. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: manalit@list.ru

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет»,
заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный
полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию конкуренции в рекламном деле. Авторы акцентируют внимание на формах и направлениях взаимосвязи между рекламой и конкуренцией. Они показывают, как развитие рекламы способствует динамике конкуренции между товаропроизводителями. Особое внимание авторы уделяют анализу указанных процессов в Российской Федерации.

Ключевые слова: реклама; конкуренция; развитие; эволюция; механизм; рост

Код УДК: 339.137.2

Annotation. This article is devoted to research of the competition in the advertisement business. Authors pay attention to forms and directions of the mutual connection between advertisement and competition. They show how development of the advertisement contributes to the development of the competition between enterprises. Authors pay the special attention to analysis of these processes in Russian Federation.

Keywords: advertisement; competition; development; evolution; mechanism; growth

За последние годы рынок рекламы в России существенно эволюционировал и предназначение рекламы менялось вместе с ним. Благодаря этому реклама настолько сильно вплелась в нашу жизнь, что невозможно представить эту жизнь без рекламы, она окружает нас повсюду, начиная от гигантских неоновых ламп, до информационных листочков, раздаваемых в общественном транспорте и просто на улице.

Реклама является неотъемлемой частью экономики с рыночным механизмом, выполняя при этом множество функций. Например, таких, как ускорение сбыта товара, привлечение потенциальных покупателей, развитие конкуренции, а не так давно реклама стала выполнять ещё и социальные функции, неся культурно-смысловые сообщения, заставляющие задуматься.

Безусловно, в странах Европы и США реклама стала гораздо большим, чем просто сообщение о товаре, к ней привлекаются люди искусства, психологи, проводятся многочисленные социологические исследования, тратятся огромные деньги, но зато, конечно, результат такой рекламы достаточно высок. Россия отстаёт от указанных стран в плане качества и эффективности рекламы. К сожалению, мы не можем в полной мере перенять опыт рекламной деятельности

зарубежных стран по причине, в том числе, различия социальной психологии и менталитета, а также особенностей конкурентной ситуации [1, с. 201-257], что существенно замедляет эволюционирование отечественной рекламы.

Реклама обладает огромным потенциалом при её квалифицированном использовании. И здесь важно учитывать аспект конкуренции. Ведь в современном обществе и экономике конкуренция зачастую и проявляется в рекламе: одни рекламодатели (производители и/или продавцы) выставляют свой товар с хорошей стороны и показывают его преимущества, другие же (а порой и те же) рекламодатели выставляют чужой товар с не лучшей стороны. Тем самым они внушают потенциальным покупателям иллюзию, что именно их, рекламодателей, товар безупречен, раз про него не говорят ничего отрицательного, и, следовательно, большинство людей обратится за товаром, который не вызывает нареканий.

По развитию рекламы можно видеть, как сильно развилось у человечества желание превосходить во всём. Если, к примеру, раньше на рекламе телевизора было написано, что имеет он 6 кнопок, а другой 8 кнопок, то сейчас внимание уделяется практически всему: сколько тысяч цветов он отображает, до какой температуры он может нагреться, дабы не портить климат в помещении, и даже его вес. Каждый этот пункт стал конкурентной составляющей в современном рынке, несмотря на то, что в старых телевизорах эти составляющие также присутствовали.

Теперь конкурировать можно практически любым параметром товара или услуги, что, конечно, делает конкуренцию очень ожесточенной, особенно если сравнивать продажи зарубежного товара с отечественным. Благодаря рекламе в нашем сознании складывается представление, что зарубежный товар превосходит наш, но на самом деле это не всегда так.

В современной конкуренции очень много значит имя (логотип, бренд, марка) товара. На создание такого имени уходят многие годы качественной и добросовестной работы, чтобы зарекомендовать себя среди потребителей, но стоит однажды сделать что-нибудь не так, как пойдут слухи, сплетни, где каждый может ещё и приврать для интересности рассказа, и нередко в результате имя добропорядочной фирмы окажется втоптанно в грязь. В итоге мало того, что к той фирме перестанут поступать новые клиенты, но и, скорей всего, от неё отвернутся и уже давние постоянные потребители.

Но в настоящее время многие организации нашли способ сохранять своё имя, несмотря ни на что. Это возможно за счёт компенсации убытков некомпетентной услуги, брака товара зачастую даже в большей степени, чем было затрачено клиентом на данную услугу, товар. Это считается хорошим тоном, и многие говорят об этих случаях как о положительном качестве фирмы. В основном все такие обсуждения той или иной услуги происходят в сети интернет, на специально отведённых для этого форумах, представляемых самой компанией-производителем, или же на форумах магазина, где продается товар или представляется услуга данной компании.

На этих форумах также проявляется война между конкурирующими фирмами, создаются поддельные аккаунты, с которых размещают ложные сообщения, тем самым влияя на общий престиж фирмы. Например, могут написать, что товар данной компании не так хорош, как товар другой конкурирующей компании, тем самым рекламируя другую компанию. Чтобы избежать появления таких сообщений, компании приходится нанимать группу модераторов, которые обязаны днём и ночью мониторить форумы в поисках нежелательных сообщений и дальнейшего их уничтожения. Зачастую можно наблюдать, как люди сообщают о том, что писали негативный отзыв, а его удалили без причины, хотя форум как раз и создан для выражения мнения по поводу продуктов. Конечно, найм модераторов, программистов (дабы защитить сайт от взлома), содержания серверов, – всё это требует больших затрат денежных средств, притом постоянно, так как это не является временным явлением, а должно быть на протяжении всего существования компании.

Немалую роль для потребителя, а значит, и для экономики, играет доступность товара. Так, например, если это товар первой необходимости, то чем доступней он будет для потребителя, тем лучше. Зачастую он может обладать более дорогой ценой или более низким качеством, чем конкурирующий ему товар, но за счет, например, географического расположения представляет собой большую выгоду в плане ежедневных затрат времени. Если же мы говорим о бытовой технике, то здесь в последнее время ситуация начинает складываться таким же образом: если раньше приходилось ездить за товаром по более выгодной цене далеко от места жительства, то сейчас наблюдается тенденция к тому, что товар скорее купят, где ближе, пусть и чуть подороже, нежели будут тратить время на далёкую поездку за тем же товаром по низкой цене.

В современном общественном мышлении потребителей сформировалось мнение о том, что чем товар дороже, тем он надежней. На самом деле это далеко не так. Конкурирующие фирмы зачастую занижают цену если не в убыток себе, то допуская лишь незначительную прибыль, дабы полностью уничтожить спрос на товар конкурента, тем самым выбив его с рынка, а в дальнейшем повысить цену на собственный товар ввиду отсутствия конкурентов.

Зачастую случается так, что какой-то одной определенной формы рекламы недостаточно (не охватывается весь должный объем потребителей), в таком случае приходится прибегать к комплексной рекламе. Конкурировать в таких условиях крайне сложно, приходится выбирать, стоит ли делать рекламу в той же форме, что и фирма-конкурент. Также перед началом рекламных акций современный маркетинг рекомендует прибегнуть к средствам мониторинга среды охвата товаром или услугой. При этом выяснить, что необходимо потребителю от данного товара или услуги, каков его средний возраст, пол, заработок, и создать рекламу под наибольшее количество потенциальных потребителей, а не пытаться создать универсальную рекламу, поскольку это на данном этапе развития отечественной рекламы просто невозможно. Пытаясь создать универсальную рекламу, можно вообще не получить должного результата, тем более, что средства на исследования всей массы потенциальных потребителей могут принести большие убытки фирме, а самое главное – результаты могут попросту остаться невостребованными. Если же использовать очень много рекламы, это может вызвать эффект антирекламы вследствие того, что предприятие понесёт значительные убытки и реализация товара или услуги будет происходить медленней чем при оптимальном количестве рекламы.

В условиях современной конкуренции без квалифицированной рекламной акции не сможет выстоять практически ни одна фирма. Разумеется, при этом важно учитывать. К какой именно рыночной структуре относится конкурирующая фирма [2, с. 36-92]. Особенно это важно учитывать российским фирмам. Чтобы России перестать быть страной-потребителем и стать страной-производителем, необходимо прорываться на мировой рынок. А для того, чтобы составить на нём конкурентоспособную позицию, необходимо в первую очередь громко заявить о себе при помощи рекламы. Посредством рекламных акций можно даже открыть своё дело, не имея достаточного капитала: если идею сочтут выгодной (или внушить это с помощью рекламы), то найдутся инвесторы или те, кого заинтересует выпускаемый продукт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев В.А. Конкуренция и ее развитие : системный анализ: монография / В.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2006. – 115 с.
2. Гордеев В.А. Микроэкономика: Учебное пособие / В.А. Гордеев. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2010. – 122 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА

Герасимова Полина Евгеньевна

аспирант. НОЧУ ВПО «Санкт-Петербургский институт управления и права»,
кафедра экономики и управления
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ххргхх@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления государственного регулирования нефтеперерабатывающего комплекса и анализируется данный комплекс страны. Рассматриваются проблемы ценообразования отрасли. Приводятся основные проблемы в области налогообложения, а также пути их разрешения. Показывается объективная необходимость воздействия государства на развитие отрасли.

Ключевые слова: нефтеперерабатывающий комплекс; государственное регулирование; нефтепродукты; конкуренция; цена; акциз

Код УДК: 338.981

Annotation. This article reviews the main directions of state regulation of the refinery complex functioning. Author shows the state of the refinery complex in Russia. Problems of pricing the refinery production are considered in the article. Main problems of taxation are shown and the ways to resolve them are proposed. The article shows the objective necessity of government influence on refinery industry development.

Keywords: oil-processing complex; government regulation; oil products; competition; price; excise duty

Исследования показывают, что нигде, ни в одной из стран мира нефтегазовый сектор экономики (к которому наряду с поиском и разведкой углеводородов относят также их добычу, транспорт, первичную переработку и реализацию продуктов добычи и переработки) не является объектом регулирования исключительно со стороны «невидимой руки» – рыночных сил и чисто рыночных регуляторов. Повышенная степень государственного воздействия на данный сектор экономики связана не только с важной ролью углеводородов в решении энергетических и финансово-экономических проблем различных стран, – в существенной мере она определяется наличием целого ряда объективных условий. К их числу относятся [1]:

- повышенные «барьеры входа» в нефтегазовый сектор, что связано с высокой капиталоемкостью проектов;
- особенности производственно-технологических активов нефтеперерабатывающей промышленности – наличие в их составе уникальных производственно-технологических комплексов и систем, занимающих так называемое «естественно-монопольное» положение (со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями);
- вступление России в ВТО предполагает изменение арсенала инструментов государственной

поддержки, акцент перемещается в сферу поддержки спроса, развития институциональных условий, выстраивания системы долгосрочных, устойчивых и предсказуемых мер, направленных на повышение эффективности промышленных предприятий, в том числе, на выравнивание макроэкономических показателей, влияющих на конкурентоспособность экономики.

Динамика инновационно-инвестиционных процессов в нефтеперерабатывающей промышленности во многом зависит от возможностей отечественной промышленности выпускать конкурентоспособное оборудование. Меры государственной поддержки, без которой невозможно ее развитие, должны быть направлены не просто на расширение производства или стабилизацию финансового положения машиностроительных предприятий, а на обеспечение качественного рывка. Государственную поддержку должны получить такие технологические разработки, внедрение которых позволит повысить эффективность работы отрасли. Перспективы инновационного развития связаны с применением информационных, наукоемких и энергосберегающих технологий, направленных на значительное снижение издержек в переработке углеводородов [2].

Повышение конкурентоспособности российских поставщиков и подрядчиков, перевозчиков и других производителей товаров и услуг является важнейшей государственной задачей, решение которой обеспечит возможность снижения издержек и повышения эффективности функционирования нефтяной отрасли. При этом конкурентоспособные машиностроительные предприятия получают эффект от инвестиций в нефтяную отрасль раньше, чем нефтяной комплекс. Государство, создав условия для инвестиций в нефтяную отрасль, получит налоговые доходы в бюджеты всех уровней в большем объеме и в более ранние сроки именно через машиностроительные регионы по сравнению с налоговыми поступлениями из нефтедобывающих регионов.

Чем выше будет конкурентоспособность отечественного машиностроения, тем большие косвенные эффекты будут генерировать инвестиции в нефтяную отрасль, тем более эффективно нефтяная отрасль сможет сыграть роль локомотива инновационного экономического роста России.

Указанные объективные особенности являются основанием для непосредственного присутствия государства в сфере регулирования нефтеперерабатывающего сектора.

Структура внутреннего рынка нефтепродуктов определяется организационной структурой отрасли. В силу демополизации отрасли государство не регулирует цены на сырую нефть и нефтепродукты, и даже государственные компании работают в относительно рыночной среде. Если в 1990-е гг., особенно в их первой половине, существовали элементы административного регулирования цен на нефтепродукты, то в 2000-х гг. они исчезли. Но в силу олигополии на общенациональном уровне и наличия монополий на локальном и региональном уровнях рынок нефтепродуктов носит искаженный характер.

Цены на нефтепродукты на внутреннем рынке, фактически, отражают трансфертное ценообразование в рамках вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). В принципе, они формируются по принципу *net back* (принцип равнодоходности поставок на внутренний и внешний рынки) по отношению к экспортной цене за вычетом транспортных издержек и таможенных пошлин, поскольку большинство компаний имеет выбор между поставками на внутренний рынок и на экспорт. Поэтому цены на внутреннем рынке нефтепродуктов в основном повторяют колебания мировых цен. Но искажающее воздействие таможенных пошлин еще больше, чем на рынке нефти из-за различий между ставкой пошлин на сырую нефть, светлые и темные нефтепродукты. Кроме того, важную роль имеет наличие региональных монополий, когда у потребителей нет выбора поставщика, и контроль над оптовым и в значительной степени розничным звеном сбыта осуществляется со стороны ВИНК.

В результате внутренние розничные цены являются существенно менее волатильными, чем мировые цены на нефть. В 2012 г. темп роста средних экспортных цен по нефтепродуктам составил 103,4% к соответствующему периоду 2011 г., в т. ч. по автомобильному бензину – 96,3%, дизельному топливу, не содержащего биодизель, – 101,8% и топливу жидкому, не содержащего биодизель, – 107,8%. В связи с ростом физических объемов экспорта и экспортных контрактных цен поступления валютных средств от экспорта нефтепродуктов увеличились до 107,7% к 2011 г. [3]. Причем тенденция роста мировых цен отражается на российском рынке сильнее, чем тенденция спада (табл. 1).

Таблица 1

Динамика среднегодовых цен на нефть и нефтепродукты на мировом и внутреннем рынках в 2009-2011 гг.

	Ед. измерения	2009	2010	2011	2011/2010
Мировой рынок					
Нефть сорта Brent	долл. США /барр.	61,5	79,5	111,3	+ 40 %
Нефть сорта Urals (Средизем./СЗЕ)	долл. США /барр.	61,0	78,3	109,1	+ 39 %
Бензин (среднее по СЗЕ: премиум + регуляр)	долл. США /т.	577,9	735,0	984,9	+ 34 %
Дизельное топливо (Средизем./СЗЕ)	долл. США /т.	518,8	670,1	930,0	+ 39 %
Мазут (Средизем./СЗЕ)	долл. США /т.	346,3	441,5	608,0	+ 39 %
Авиакеросин (Средизем./СЗЕ)	долл. США /т.	558,3	716,3	1006,1	+ 40 %
Внутренний рынок					
Нефть	долл. США /барр.	25,8	30,6	42,1	+ 38 %
Бензин	долл. США / т.	674,6	786,2	1037,3	+ 32 %
Дизельное топливо	долл. США / т.	494,9	604,4	863,6	+ 43 %
Мазут	долл. США / т.	256,0	321,5	373,0	+ 16 %
Авиакеросин	долл. США / т.	487,6	590,0	839,0	+ 42 %

Источник: Данные консалтинговых и информационных агентств [4, 5, 6]

Проблема достаточно высоких цен (в отдельные периоды более высоких, чем в США, но пока еще более низких, чем в Европе) носит комплексный характер. Помимо недостаточной конкуренции, важную роль играет технологическая отсталость нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ). В результате при производстве востребованных видов топлива (бензина и дизеля) образуется большое количество мазута и других низкокачественных продуктов. Издержки их сбыта частично закладываются в цену более качественных продуктов. Таким образом, насыщение внутреннего рынка качественными нефтепродуктами возможно только при достаточных инвестициях и адекватных институциональных условиях для них на рынке. Пока государственная политика, включая антимонопольную, не обеспечивает решение этой задачи.

Нехватка мощностей деструктивных и облагораживающих процессов на российских НПЗ препятствовала их адаптации к новым условиям рынка. Это проявилось в том, что при росте объемов производимого бензина, продиктованного спросом на него со стороны рынка, НПЗ были вынуждены увеличить объем переработки нефти и, следовательно, производства мазута, который рынком не был востребован.

В последние годы были приняты меры по улучшению качества выпускаемой продукции: введение Технического регламента по нефтепродуктам, дифференциация ставок акциза на бензин и дизельное топливо в зависимости от их экологического класса, усиление контроля над обеспечением модернизации нефтеперерабатывающих заводов. Следствием данных процессов стало увеличение инвестиций со стороны нефтяных компаний в технологическое перевооружение своих производств.

В 2011 г. осуществлен переход к новой модели определения ставок вывозных таможенных пошлин, выравнивающей экспортные ставки на светлые и темные нефтепродукты (система «60-66-90»), которая также предусматривает повышение с 2015 г. ставки экспортной пошлины на темные нефтепродукты до 100% от пошлины на нефть (табл. 2).

Таблица 2

Динамика средних ставок таможенных пошлин, акцизов и налогов по нефтепродуктам в России с 2009-2011 гг.

	Ед. измерения	2009	2010	2011	2011/2010
Экспортные пошлины					
Легкие и средние дистилляты	долл. США / т.	133,1	196,6	274,1	+ 39 %
Нафта	долл. США / т.	133,1	196,6	332,6	+ 69 %
Мазут	долл. США / т.	71,7	105,9	208,2	+ 97 %
Пропан, Бутан	долл. США / т.	-	61,1	176,0	+ 188 %
Акцизы					
Бензины с октановым числом не выше 80 %	долл. США / т.	83,8	96,3	н/п	-

	Ед. измерения	2009	2010	2011	2011/2010
Бензины с октановым числом выше 80 %	долл. США / т.	114,4	131,4	н/п	-
Бензины классов 4 и 5	долл. США / т.	н/п	н/п	175,1	-
Бензины класса 3	долл. США / т.	н/п	н/п	193,1	-
Бензины, не относящиеся к классам 3, 4,5	долл. США / т.	н/п	н/п	204,1	-
Прямогонный бензин	долл. США / т.	123,0	141,3	207,3	+ 47
Дизельное топливо	долл. США / т.	34,1	39,1	н/п	-
Дизельное топливо классов 4 и 5	долл. США / т.	н/п	н/п	76,5	-
Дизельное топливо класса 3	долл. США / т.	н/п	н/п	84,6	-
Дизельное топливо, не относящиеся к классам 3, 4, 5	долл. США / т.	н/п	н/п	93,7	-
Моторное масло	долл. США / т.	93,0	106,9	159,3	+ 49 %

Была введена повышенная ставка пошлины на автобензины (90%) для ограничения экспорта ставшего дефицитным в 2011 г. автомобильного топлива. В результате объемы экспорта бензина в 2011 г. остались незначительными (менее 3,1 млн.т), уменьшился экспорт дизельного топлива: с 40,6 млн.т до 35,4 млн.т, экспорт мазута остался на прежнем уровне и составил 71,7 млн.т.

Измененные сроки запрещения оборота топлив низких классов были установлены в 2011 г., исходя из анализа заявленных в добровольном порядке планов нефтяных компаний по модернизации нефтеперерабатывающих производств, а также прогноза спроса на основные виды нефтепродуктов. В результате:

- оборот топлив класса 2 будет запрещен с 1 января 2013 г.;
- класса 3 – с 1 января 2015 г.;
- класса 4 – с 1 января 2016 г.

Поэтапное выполнение четырехсторонних соглашений нефтяными компаниями позволит перейти на производство топлива не ниже экологического класса 5 не позднее 1 января 2016 г.

Для выполнения требований Технического регламента и недопущения дефицита топлива на внутреннем рынке нефтяным компаниям до 2020 года предстоит:

- ввести в эксплуатацию и реконструировать 116 установок вторичной переработки нефти (для сравнения: в 2008-2011 гг. – всего 20 установок);
- инвестировать 1,1 трлн. руб. в ценах 2012 г. (для сравнения: суммарные инвестиции за 2008-11 гг. – 170 млрд. руб.).

Как результат – к 2015 г. производство топлива пятого экологического класса должно вырасти:

- автобензинов – с 600 тыс. т в 2011 г. до 38,6 млн. т в 2015 г.;
- дизельного топлива – с 11,9 млн. т в 2011 г. до 77,1 млн. т в 2015 г.

Для достижения этих целей Министерство энергетики планирует проводить политику, направленную на неуклонное соблюдение требований Технического регламента и недопущение дефицита нефтепродуктов на внутреннем рынке (в том числе – ежеквартальный мониторинг модернизации НПЗ, синхронизация плановых ремонтов, составление и ежегодное обновление краткосрочных (на 1 год, ежемесячно) и среднесрочных (на 3 года в разбивке по годам) балансов спроса и предложения в разрезе основных видов нефтепродуктов (автобензин, дизтопливо, керосин).

К модернизации заводов компании будут подталкивать экономические стимулы, в том числе уже принятые:

- усиление дифференциации ставок акцизов в зависимости от класса;
- выравнивание пошлин на темные и светлые нефтепродукты – режим «60-66», вступивший в силу с 1 октября 2011 г.;
- выравнивание пошлин на мазут и нефть с 1 января 2015 г. – предусмотрено режимом «60-66»;
- введение 90-процентной пошлины на бензины с 1 июня 2011 г.

Подводя итог в части налогообложения нефтяной отрасли, можно отметить, что Минэнерго России выработан комплекс мер налогового, тарифного и технического регулирования, который в случае принятия в полном объеме обеспечит выполнение озвученных стратегических целей. Но в настоящее время стоят новые задачи – принятие законов, нормативно-правовых актов, которые должны обеспечить выполнение ранее озвученных стратегических целей, принятие методики, а также принятие стимулирующих мер и создание инвестиционной привлекательности отрасли.

Итак, ключевой проблемой развития нефтеперерабатывающей отрасли на перспективу является проблема преодоления дефицита инвестиций, создание благоприятного инвестиционного климата для удовлетворения прогнозируемых потребностей страны в нефтепродуктах, обеспечения эффективности нефтепереработки и повышения его конкурентоспособности. Думаю, что разрешение этой проблемы будет способствовать и осуществлению новой индустриализации РФ, о чем справедливо указывается в современной экономической литературе [7, 8]. На решение этих задач и должна быть нацелена работа Правительства и Федерального Собрания России, всех компаний и предприятий топливно-энергетического комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Ю.П. Анализ состояния и развития топливно-энергетического комплекса Северо-Западного федерального округа РФ / Ю. П. Григорьев, Т. К. Салина. – Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2011. – 95 с.

2. Нефтяная промышленность России – сценарии сбалансированного развития / [В. В. Бушуев и др.] ; Союз нефтегазопромышленников России, Ин-т энергетической стратегии. – Москва : ИАЦ Энергия, 2010. – 160 с.
3. Салина Т.К. Роль и место нефтеперерабатывающей отрасли в развитии национальной экономики / Т. К. Салина // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия. Экономика. – 2013. – № 7 (66).
4. Platts, McGraw Hill Financial [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia.platts.com/products-services>
5. Argus Media Limited [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.argus.ru>
6. Компания «Кортес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.kortes.com>
7. Гордеев А.А. Новая индустриализация в РФ и учет советского опыта / А.А. Гордеев, В.А. Гордеев // Шестдесят шестая всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием, Ярославль, 23 апреля 2013 г. : тезисы докладов : в 2 ч. – Ярославль, 2013.

ЭТАПЫ ПАРАДИГМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Черников Тимур Станиславович

аспирант. НОУ ВПО «Московская академия экономики и права»,
кафедра экономической теории
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: priem@mael.ru

Аннотация. Рассмотрена структура развития экономической науки. Обнаружено, что на разных исторических этапах труды многих ведущих экономистов содержали парадигмальные основания. Новые теоретические парадигмы не отбрасывают прежние знания, а интегрируют их, они выступают как «частный случай» более широких воззрений, тема анализа парадигмальных сдвигов продолжает оставаться актуальной. Выявлена необходимость формирования новой парадигмы, позволяющей обеспечивать эффективную взаимосвязь экономической теории и хозяйственной практики.

Ключевые слова: исторические этапы; экономическая теория; парадигма; неоклассика; развитие; эволюция

Код УДК: 330.8

Annotation. Development structure of the economic science is considered in the present article. It is revealed that that at different historical stages works of many leading economists contained paradigm bases. New theoretical paradigms do not refuse prior knowledge but integrate them. They act as a «special case» of a broader views, and the theme of the analysis of paradigm shifts continues to be relevant. The necessity of new paradigm's forming which will provide more effective connection of economic theory and practice is revealed.

Keywords: historical stages; economic theory; paradigm; neoclassic; development; evolution

Экономические знания отражают длительный исторический путь развития науки, которая под воздействием внешних факторов и внутренних противоречий постоянно эволюционировала и обновлялась.

Й. Шумпетер в работе «Истории экономического анализа» писал: «Объект «экономической науки – уникальный процесс в историческом времени. Экономическое историческое исследование не может быть чисто экономическим, оно неизбежно отражает также институциональные факты не чисто экономического свойства. Это лучшее средство для понимания их взаимообусловленности. Изучение истории – не только лучший, но единственный метод для этих целей. Наиболее фундаментальные ошибки экономического анализа были допущены при игнорировании исторического опыта» [1, с. 12].

История европейской экономической мысли – это «история интеллектуальных усилий, предпринимаемых людьми, для понимания экономического феномена» [1, с. 3]. Экономическая теория прошла в своем развитии несколько этапов от эмпирического понимания экономических

явлений к формированию научных теорий. Становление любого этапа развития общества предполагает не только изменения в его качественной структуре и динамике, но и ломку научных парадигм, казавшихся до некоторого времени незыблемыми. Анализ теории парадигм и научных революций как концептуально-методологическая основа познания парадигмального развития науки позволяет ответить на вопросы о внутренних закономерностях, выявить причинно-следственную структуру движения экономической теории, выделить основные звенья и элементы крупных сдвигов в науке. Проблемы экономической теории, в контексте ее парадигмальной структуры, являются основными по выяснению реальной ретроспективы и перспективы развития экономической мысли. В восприятии достижений экономической мысли в историческом контексте важную роль имеет периодизация. Периоды развития экономической науки показаны на рис. 1.

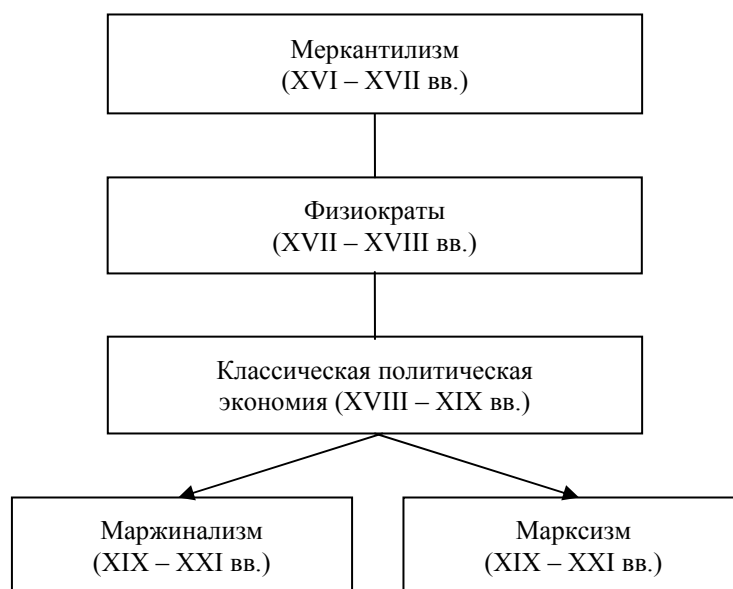

Рис. 1. Основные этапы развития экономической науки

Меркантилизм¹ появился в XVII в., основными представителями были Томас Мэн в Англии, Антуан Монкретьен во Франции, Антонио Сьерра в Италии. Теоретические основы меркантилизма были заложены А. Монкретьеном в «Трактате политической экономии» (1615). Автор впервые ввел термин «политическая экономия», и под «политикой» подразумевал государство или общество, поэтому политическая экономия представлялась в качестве национального хозяйства. Школа меркантилизма, исследовав первоначальное накопление капитала в самой доступной его форме – торгового капитала, выполнила свое историческое предназначение.

Позже Уильям Петти в Англии впервые объявил источником богатства труд и землю, его работу «Кое-что о деньгах» (1682) Ф. Энгельс оценил как шедевр политической экономии. Во Франции Пьер Буагильбер предпринял попытку свести стоимость к труду и сделал решающий шаг в сторону трудовой теории стоимости как источника богатства в сфере производства. По его мнению, первое требование состоит в том, чтобы все люди жили в достатке за счет своего труда или труда своих предков.

В XVIII в. новое направление в развитии экономической науки представлено физиократами², они были сторонниками экономического либерализма. Для их экономической программы

¹ Понятие «меркантилизм» происходит от латинского слова «mercari» – торговать. В английском и французском языках «mercantile» означает «торговый», а итальянский «mercante» – «торговец» или «купец».

² Термин «физиократия» происходит от греческих слов «physis» и «kratos» и дословно означает «власть природы».

характерно требование неограниченной конкуренции. Физиократ Франсуа Кенэ на примере экономики Франции впервые исследовал экономику страны как единый целостный организм, в котором все взаимосвязано, общественное воспроизводство имеет определенную сбалансированную пропорцию, а продукты и доходы находятся в циклическом кругообороте. Он создал равновесную модель простого воспроизводства, которая была завершена и доведена до парадигмальной завершенности А. Смитом.

Период заметного влияния физиократов на экономическую мысль Франции был недолгим – около 30 лет. Однако, то, что они способствовали заметному прогрессу экономической мысли и формированию классической школы политической экономии, невозможно отрицать.

Дальнейшее развитие экономической наука получила в трудах представителей классической политической экономии Англии Адама Смита (1723 – 1780) и Давида Рикардо (1772 – 1823).

А. Смит сыграл определяющую роль в формировании идейно-теоретических и методологических основ классической политической экономии. Его идеей был принцип естественной свободы индивидов производить и обменивать товары, в том числе труд, что должно было приводить к росту доходов как участников процесса, так и государства.

По сути, А. Смит ввел в экономическую теорию либеральную парадигму³. Разделение труда он считал важнейшим двигателем общественного прогресса. Тем не менее, такие экономические регуляторы как минимальное вмешательство государства в экономику, рыночное саморегулирование на основе свободных цен, складывающихся в зависимости от спроса и предложения, А. Смит называл «невидимой рукой», т.е. стихийным действием объективных законов.

В книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) А. Смит систематизировал все накопленные к тому времени экономические знания. Его основной труд построен как историческое произведение, включающее страноведческий и всемирно-исторический обзор. Но целью классической национальной экономии было обнаружить разумную и правильную структуру хозяйства вообще и всеобщие законы хозяйства и понять поведение хозяйствующего человека вообще. Огромная заслуга классической политической экономии в том, что она открыла всеобщую зависимость экономического процесса и всесторонне развила метод мышления, свойственный теоретической экономической науке. Тем самым был сделан шаг к познанию экономической действительности [2, с. 38].

Д. Рикардо продолжил разработку теории А. Смита, преодолев некоторые недостатки отдельных теоретических положений. В книге «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817) он показал, что единственным источником стоимости является труд рабочего, который лежит в основе доходов различных классов (заработной платы, прибыли, процента, ренты), что прибыль есть результат неоплачиваемого труда рабочего. Д. Рикардо попытался построить систему категорий политической экономии на основе трудовой теории стоимости.

Отметим других авторов, действовавших в рамках тех же парадигмальных оснований (классическая политическая экономия), которые осуществляли частичное развитие и инструментальное совершенствование идей и моделей А. Смита, проводя критику «изнутри».

Ж.Б. Сэй первым исследовал проблематику экономического цикла и отметил не безупречность работы «невидимой руки». Теоретический абсолютизм А. Смита подвергал критике Симон де Сисмонди, который считал, что метод должен быть более историчным, а цели

³ Либеральная парадигма включает в себя критику существующего положения дел, требование перехода к новой действительности, обоснование онтологической фундаментальности этой новой действительности. Что касается отдельных проектов этой парадигмы, то они могут кардинально отличаться предметом своей деятельности, ценностями, а также эпистемологией и методологией мыслительного моделирования проектируемой действительности.

этическими, и поэтому нет необходимости отождествлять частный и общий интерес, он поставил проблематику кризисов и нарушение равновесия в центр своей теории. Сисмонди первым выступил против канонов классической политической экономии.

Если классики анализировали реальные процессы создания богатства, его обращения и распределения, то Сисмонди интересовало, как правительство должно способствовать его производству и распределению. В центр своих исследований он ставил положение человека и подчеркивал необходимость всестороннего изучения исторического развития страны, где этот человек живет. Сисмонди можно считать предшественником исторической школы.

Опираясь на высшие достижения классической школы политической экономии, немецкий мыслитель-энциклопедист Карл Маркс (1818-1883) создал теоретическую концепцию, получившую название марксизм⁴.

Данный этап развития экономической теории был обусловлен соответствующими социальными интересами, требованиями времени и способствовал развитию трудовой теории стоимости, анализу проблем общественного воспроизводства, источников экономического роста, выявлению роли дополнительной стоимости как определяющего фактора и основы воспроизводства капитализма. В то время экономическая наука отличалась классовым подходом к анализу экономических проблем, абсолютизацией противоречий рыночной экономики эпохи свободной конкуренции, недооценкой способности капиталистического общества к реформированию.

Главный труд К. Маркса «Капитал» (1867) сделал автора одним из величайших экономистов мира, создав учение о товаре, рабочей силе, прибавочной стоимости. К. Маркс вывел экономическую науку из тупиков, характерных для классической школы, марксизм реализовывался на практике как социалистическое, центрально-управляемое хозяйство, опираясь на идеологию государственного вмешательства в экономику. Особенность данного этапа развития экономической науки состоит в том, что впервые в истории экономической мысли и социально-экономическом развитии общества мы имели глубоко идеологизированную экономическую теорию.

С середины XIX в. и до начала XX в. господствовала историческая школа – сначала старая, представителями которой были В. Рошер, Б. Гильдебранд, затем новая во главе со Г. Шмоллером, К. Бюхером, и новейшая, представленная, в первую очередь, трудами М. Вебера.

Первоначально историческая школа возникла как национально-периферийное направление, противостоящее классической школе, в первую очередь английской. Она была националистической, этической, междисциплинарной. Экономистов всех трех поколений германской исторической школы характеризовал повышенный интерес к факторам эволюции хозяйственных систем, акцент на их исторической множественности. Представители этой школы утверждали, что экономическое развитие каждого общества зависит от географических условий, наличия естественных ресурсов, существующих политических систем, технологических достижений и других условий, которые определяют экономический порядок, экономическую структуру. Поэтому, экономика должна быть национальной, органичной и постоянно меняющейся. Чтобы понять экономическую жизнь сегодня, необходимо изучать стадии экономического развития в прошлом.

Идеи и темы, поднятые представителями исторической школы, получили развитие в ортодоксальной экономической науке, в частности, в таком ее направлении как институционализм. Более того, идеи этого направления дали импульс развития многим новым отраслям общественных наук, таких как социология, философия хозяйства, экономическая история, экономическая

⁴ Марксизм – направление в теоретической экономике, представляющее собой исследование законов развития капиталистического общества и концепцию социализма как новую экономическую систему. Принципы социализма: общественная собственность на средство производства, отсутствие эксплуатации наемного труда, равная плата за равный труд, всеобщая и полная занятость, ведение хозяйства по единому плану.

география и многих других. Развитие немецкой исторической школы подготовило почву для переоценки общей теории познания – переходу от науки бытия к науке становления.

Во второй половине XIX в. возник маржинализм⁵. Объективная обусловленность изучения маржинализма связана с новыми историческими реалиями развития капитализма в 60-70-е гг. – качественными изменениями в характере структуры производства и методах управления экономикой, которые происходили под влиянием научно-технического прогресса. Изменения в развитии научного знания были связаны:

- с кризисным состоянием классической политической экономии, основанной на затратной концепции стоимости и идеи безграничных возможностей расширения производства;
- прогрессом точных наук, математических дисциплин на основе развития дифференциального исчисления и функционального анализа;
- эволюцией гуманитарных дисциплин (философии, психологии, социологии) в направлении преодоления кризиса позитивизма и формирования новых парадигм.

Эти изменения способствовали развитию маржиналистской революции⁶, развитие которой было поэтапным:

- I этап (70-80-е гг. XIX в.) – субъективное направление в политической экономии и теории предельной полезности как основы ценности, что нашло отражение в трудах К. Менгера (1840 – 1921), Л. Вальраса (1834-1910) и др.
- II этап (90-е годы XIX в.) – становление неоклассического направления экономической мысли на основе отказа от субъективно-психологического подхода и сочетания маржинализма с функциональным микроэкономическим анализом. Он представлен работами выдающихся экономистов А. Маршалла (1842-1924), Дж.Б. Кларка (1847-1938), В. Парето (1848-1923) и др.

Маржиналистская теория – учение о предельной полезности и предельной производительности до сих пор лежит в основе почти всех новейших концепций микроэкономики.

У маржиналистов центр тяжести смещается из сферы материального производства в сферу потребления, человек выступает максимизатором полезности.

Переоценка ценностей, накопившихся почти за 200 лет развития классической политической экономии, формирование принципиально новых взглядов на основные проблемы экономической науки, методы их исследования и решения, осуществили научную революцию, которая знаменовала переход классической к неоклассической экономической теории. Это стало началом современной неоклассической теории как одной из магистральных течений экономической науки.

В современной западной экономической науке существуют разные направления, течения, школы, типология которых отличается как по методам анализа, так и по пониманию предмета и цели исследования, концептуально отличаются и подходы к решению экономических проблем. Однако, эти различия в значительной мере условные, поэтому всю совокупность современных немарксистских течений и школ можно сгруппировать в четыре основных направления (рис. 2).

Неоклассическое направление экономической теории в основном сформулировано в работах английского экономиста А. Маршалла. Он соединил в своем учении классическую теорию и

⁵ Маржинализм (от англ. *marginal* – предельный) – это теория, представляющая экономику как систему взаимосвязанных хозяйствующих субъектов и объясняющая экономические процессы и явления, исходя из новой идеи – использования предельных (*max* или *min*), крайних величин или состояний, характеризующих не сущность явлений, а их изменение в связи с изменением других явлений.

⁶ Л. Вальрас – один из основателей маржинализма впервые использовал термин «маржиналистская революция».

маржинализм. Объединив теорию предельной полезности и теорию издержек производства, он пришел к выводу, что ни спрос, ни предложение не имеют приоритета в определении цен, что это – равноправные элементы механизма рыночного ценообразования. Он использовал понятие рыночного равновесия для характеристики баланса спроса и предложения, разработал концепцию эластичного спроса, которые до сих пор актуальны для объяснения рыночных явлений.

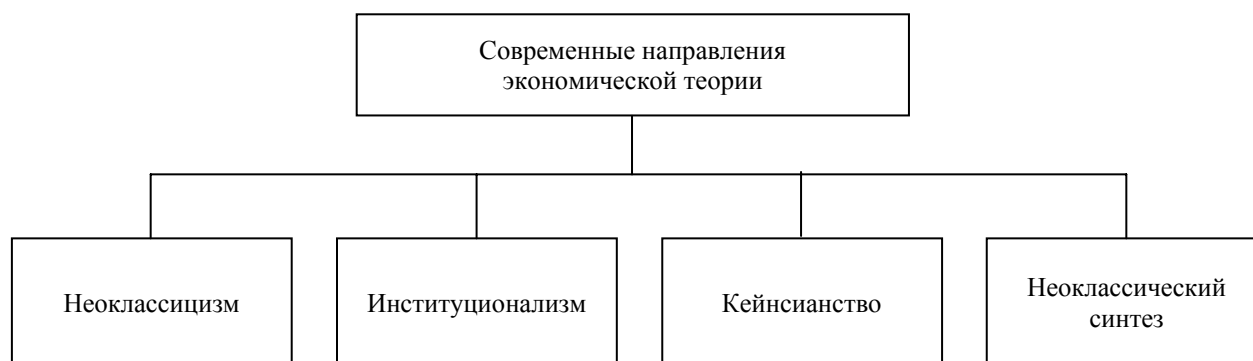

Рис. 2. Основные направления современной экономической теории

Огромный вклад в направлении полной и непротиворечивой идентификации целостных и единых парадигмальных оснований классической и неоклассической экономической науки внес В. Парето. В одной из своих теорем общественного благосостояния, он математически определяет и формулирует вывод о том, что существует специальный механизм – рынок совершенной конкуренции, который обеспечивает эффективное состояние экономики в условиях, когда каждый индивид заботится лишь о своем благополучии. Для этого требуется минимум информации – характеристики полезностей благ и вектор равновесных цен, который устанавливается в результате конкурентного взаимодействия индивидов. Здесь четко прослеживается парадигмальная основа классической школы: индивидуальное и общественное богатство как естественная цель, ведущая к максимальному удовлетворению потребителей.

А. Пигу завершил создание неоклассической теории благосостояния. Благосостояние человека отражает его ощущение удовлетворенностью жизнью, насыщения его потребностей не только материальных, но и социальных. Человек готов уплатить определенную сумму денег за благо при свободе выбора, что отражает степень его желания. Это принципиально важное утверждение, оно расширяет либеральное парадигмальное поле и ставит новые условия экономического равновесия. С момента возникновения экономической теории, экономическая мысль создает и совершенствует инструментарий достижения и поддержания экономического равновесия, происходит снятие части ограничений и расширение поля принятых парадигмальных оснований. Здесь просматривается конфликт парадигм развития и экономического либерализма.

Теоретической альтернативой неоклассики стало институциональное направление экономической мысли, основанное американскими исследователями Т. Вебленом, Дж. Коммонсом, В. Митчеллом и др.

В начале XX века в условиях перехода капитализма от свободной конкуренции к монополистической стадии в работах ученых молодого американского капитализма, воспринявших идеи немецкой исторической школы и других европейских школ, выделилось самостоятельное направление знания – институционализм. Он представляется как часть интернационального научного явления, имеющего общие черты и значительные различия. «The New Palgrave. A Dictionary of Economics» определяет институционализм как принципиальную школу

гетеродоксальной мысли в экономике [3, с. 864-866]. Институционализм выполняет двойную функцию, критикуя неоклассическую теорию и выдвигая альтернативную концепцию экономики и экономических исследований и анализа. Таким образом, ортодоксальные экономисты понимают под экономикой только рынок, а институционалисты заявляют о том, что рынок сам институционален, т.е. экономика – более чем рыночный механизм: она включает институты, которые определяют форму, структуру и способ. Исходной идеей институционализма является идея системности, «холизма», согласно которой общество есть многоплановый, многоуровневый, целостный организм. Основным аспектом состоит в том, что система институтов – некая целостность, которая образует данную культуру или определенный тип цивилизации [4, с. 15]. Институционализм придает основополагающее значение мировоззренческим позициям, отстаивая принципы этической ответственности ученых и подчеркивая роль мировоззренческих основ в формировании теоретических взглядов и методологических подходов [4, с. 5].

Выделим три периода развития американского институционализма:

1) В 20-30-е гг. сохраняется критическая сторона негативной школы институционализма. Экономические процессы ставились в зависимость от психологии, биологии и антропологии (Т.В. Веблен), права (Дж. Р. Коммонс), антропологии и математических расчетов (У. К. Митчелл).

2) Основные представители периода, следующего после первой мировой войны – Дж. Б. Кларк, А. Берли. Этому периоду присуща позитивная, а не только критическая позиция. Вырабатывается взвешенная политика, сформированная на определенной системе этических ценностей. На идейной основе институционализма были сформулированы понятные каждому американцу нормы американского образа жизни, «американской мечты». Учитывался эволюционный характер экономического общества, расширилось и конкретизировалось понятие экономического человека. При принятии решений изучались обычаи, привычки, стиль поведения, учитывался их генетический характер и даже иррациональность мотивов. Рекомендации разрабатывались на основе изучения демографии, антропологии, расширения теории профсоюзного движения и т.д. В стране сложилось устойчивое представление об уникальности американской истории и возможности достижения социальной справедливости на базе существующей системы в стране [4, с. 16].

3) Особое развитие получило социально-институциональное направление. Основные представители его – Г. Мюрдаль, Дж. Гелбрейт, Р. Хейлбронер. К кругу интересов институционалистов третьего периода относятся: теории социальных изменений; социального контроля и коллективного выбора (или теории институтов); экономической роли правительства; технологий; организационно-институциональных принципов размещения ресурсов и др. [4, с. 22].

Институционалисты предлагали представлять политическую экономию (или социально-экономическую теорию) в отличие от «экономикса» и в противовес «теории равновесия» развивать эволюционную теорию. Они изначально ориентировались на создание «новой политэкономии», которая бы возродила связь экономической теории с этикой и расширила бы поле исследований, прежде всего, за счет проблем экономической власти, дисфункций и противоречий, которые остались за пределами интересов маржиналистов [4, с. 21].

Попытки методологического синтеза были у У. Митчелла, который исходил из необходимости синтеза неоклассического и институционального подходов [4, с. 31].

Дж. Коммонс и некоторые другие представители институционализма считали, что поскольку «экономикс» и политэкономия не могут не различаться, оба русла не альтернативны, они должны дополнять друг друга в рамках новой целостной парадигмы.

В 30-е годы XX в. начали проявляться важнейшие идеи выдающегося английского экономиста

Джона Мейнарда Кейнса в исследованиях макроэкономического анализа и теории государственного регулирования рыночной экономики. Он считал главной ключевой проблемой емкость рынка – принцип эффективного спроса, общая теория занятости, предельная эффективность капитала. С помощью регулирования емкости рынка можно влиять на инфляцию, занятость, устранять неравномерность спроса и предложения товаров, подавлять экономические кризисы. Дж.М. Кейнс сформулировал макроэкономический анализ (в отличие от микроэкономического подхода) совокупных показателей – национального дохода, инвестиций, потребления, сбережений и др.

Теория Дж.М. Кейнса получила название «кейнсианская революция». Она стала научным отрицанием неоклассической доктрины автоматического рыночного саморегулирования, которая акцентировала внимание на проблемах и ограничениях рыночного предложения, доказав необходимость регулирующих мероприятий государства, а также первостепенное значение уровня совокупного спроса. Согласно кейнсианской экономической теории, рынок не в состоянии урегулировать экономику, не способен обеспечить полную занятость, стабильность производства и цен. Активную роль в реализации этих задач должно играть государство.

Дальнейшая эволюция кейнсианства была связана с развитием в 50-60-е гг. XX в. некейнсианской теории в трудах Э. Хансена, Дж. Хикса, П. Самуэльсона и началом в 80-90-е гг. посткейнсианства и нового кейнсианства Дж. Робинсон, П. Сраффа и др.

Одновременно, на протяжении исторического развития экономической теории можно наблюдать синтез различных направлений экономической теории, примером могут служить:

- синтез классической и маржинальной теорий ценности (А. Маршалл),
- кейнсианско-неоклассический синтез (Дж. Хикс, П. Самуэльсон),
- неoinституционализм, как продукт синтеза неоклассической методологии и традиционного (старого) институционализма (Р. Коуз, Дж. Бьюкенен) и др.

Таким образом, неоклассика, кейнсианство и институционализм стали основными направлениями развития экономической теории, которые прошли длительную теоретическую эволюцию на протяжении XX в.

В середине XX в., человечество начинает осознавать свое единство во времени и пространстве, общность своей природы. Потребовалось научное осмысление новой мирохозяйственной ситуации, другой уровень идей, другая целостность знаний.

В конце XX и начале XXI века многие ученые утверждали, что стало недостаточно научного инструментария для осознания объективной реальности, особенно в экономической науке.

Важный вклад в понимание эволюции научного знания внес выдающийся американский философ, историк Томас Кун. Свой научный подход он противопоставил или, точнее, развил в дополнение, прежде всего, господствующей в то время кумулятивной теории пояснения прогресса науки, согласно которой научное развитие рассматривалось как простой поступательный прирост или накопление знания. Кун осуществил попытку дать первую аналитическую реконструкцию развития научного знания как чередование эволюционных и революционных научных изменений. Тем самым он стремился преодолеть упрощенность кумулятивной модели. Т. Кун предложил и обосновал необходимость формирования «парадигмы» современной науки [5, с. 39]. В фундаментальной работе «Структура научных революций» (1962). Т. Куном была разработана новая концепция развития науки, основные содержательные составляющие теории – это учение о парадигме и научной революции.

С моделью развития науки Куна связаны первые попытки реконструкции экономической теории, разработанная им теория является применимой к парадигмальному анализу исторического

развития экономической науки. Цель своего исследования Кун видел «в том, чтобы очертить хотя бы схематично совершенно иную концепцию науки, которая вырисовывается из исторического подхода к исследованию самой научной деятельности» [6, с. 23]. Результаты этого исследования имеют общенаучное методологическое значение, они дали мощный импульс для развития историко-экономических исследований.

В части учения о содержании и признаках научных революций, под определение парадигмы подпадают следующие важные этапы развития экономической теории: классическая теория, неоклассика, кейнсианство.

Признаком научной зрелости стало формирование первой экономической парадигмы в виде классической школы (вторая половина XVII – первая треть XIX вв.). Формированию парадигмы способствовали:

- а) попытки приблизить науку к проблемам хозяйственной практики и первичных потребностей экономических субъектов;
- б) переоценке основных теоретических положений классической школы.

Были начаты новые формы и методы экономического анализа, которые изменили важнейшие принципы построения экономической теории, систему основополагающих подходов к решению исследовательских задач.

С возникновением маржинализма связан новый парадигмальный сдвиг в экономической теории. Путем реализации маржиналистской научной революции в 70-е гг. XIX в. происходил переход от классики к неоклассике, а в 30-х гг. XX в., а в результате кейнсианской⁷ революции – переход от неоклассики к кейнсианству.

Обе революции по своим признакам вполне подпадали под куновскую интерпретацию: «разрушение существующей традиции научной практики», «начало нетрадиционных исследований, которые, в конце концов, приводят всю данную отрасль науки к новой системе предписаний, к новому базису для практики научных исследований» [6, с. 20].

Определенным подтверждением (иллюстрацией) теории Т. Куна является то, что начало научных революций в экономической теории, как правило, ознаменовалось актуализацией новых проблем исследования, а именно:

- в случае маржиналистской революции – роль полезности ранее не включалась в предмет классической экономической ортодоксии как фактора ценности.
- в кейнсианской революции – не включалась ранее роль циклических неравновесных состояний рынка, недостаточного спроса и его государственного регулирования.
- а также активизацией методологических дискуссий (дискуссия о методе между К. Менгером и Г. Шмоллером в 70-е гг. XIX в., дискуссии о либеральной доктрине «полного *laissez-faire*» и о необходимости государственного регулирования рынка между Дж.М. Кейнсом и Ф. Хайеком в 30-е гг. XX в.).

Каждый из приведенных признаков является иллюстрацией тех идейных, методологических и теоретических сдвигов, которые происходили на протяжении указанных научных революций, и таких научных параллелей можно привести множество. Кроме того, некоторые из

⁷ В 1970 г. в Калифорнийском университете образовалась группа методологов – кейнсианцев, которая внимательно изучила идеи Т. Куна и представила несколько вариантов применения его идей к исследованию экономической теории. Этот круг ученых отстаивал тезис о существовании революции в экономике и рассматривал кейнсианскую революцию «как смену парадигм», поддающихся объяснению на основе категорий Т. Куна. Такой точки зрения придерживались Б. Уорд, Г. Мега.

фундаментальных трудов, доминировавших в интеллектуальной среде в различные времена, – «Богатство народов» А. Смита, «Капитал» К. Маркса, «Общая теория» Дж.М. Кейнса – также иногда трактуются как своего рода «классические образцы научного исследования», «парадигмы».

Несмотря на значительный интерес к методологии Куна, особенно в 60-70-гг. XX в., попытки применения модели научных революций к реконструкции социальных наук были предприняты в основном в экономической теории. Примечательно, что сам Кун отметил данный факт, объяснив сходство развития экономической теории и своей модели тем, что в экономике вполне определенно можно выделить периоды «нормальной» науки, когда «согласие» по методам исследования в условиях существующей парадигмы явно достигнуто экономическим сообществом. Кун имел в виду неоклассическую экономическую теорию.

Со второй половины 70-х гг. XX в. в западных капиталистических странах неоклассика вытесняет на периферию экономической науки другие направления и школы экономической теории. Альтернативные теории (марксисты, кейнсианцы, институционалисты, эволюционисты и т.п.) при всей реалистичности предпосылок, лежащих в их основе, не способны были дать, как стало считаться, целостного взгляда на окружающий человека мир.

Неоклассическая теория снова становится господствующим направлением в структуре современной экономической наук.

Второй этап ее развития охватывает 70-90-е гг. XX – начало XXI вв. Неоклассическое направление представлено современными теориями монетаризма и неолиберализма. Монетаризм – теория стабилизации экономики, в которой денежные факторы играют главную роль. По мнению американского ученого-экономиста Милтона Фридмана⁸, все крупнейшие экономические потрясения объясняются последствиями денежной политики, а не нестабильностью рыночной экономики.

Сторонники экономического неолиберализма отрицали необходимость государственного вмешательства в рыночную экономику. По мнению известного представителя неолиберализма Ф. фон Хайека, спонтанный характер рыночного порядка означает, что государство не должно вмешиваться в хозяйственную деятельность общества, это может подорвать механизм рынка и парализовать хозяйственную систему в целом. Более того, любой контроль над экономикой, любая экономическая политика, нацеленная на получение определенных результатов (политика полной занятости, экономического роста, борьбы с инфляцией или экономическим спадом) в принципе невыполнимы, поскольку не в состоянии учесть и использовать массив знаний, необходимый для успешной реализации намеченных целей [7]. Таким образом, в основе неолиберализма лежат принципы свободы экономической деятельности, свободного ценообразования, утверждения приоритета частной собственности и негосударственных хозяйственных структур.

Однако, новые реалии убеждают в том, что такая система научных взглядов неадекватна для разработки научно-обоснованной социально-экономической политики и воплощения ее в современную хозяйственную практику. Концепция неолиберализма в разных его формах, включая монетаризм, сыграла существенную роль в росте фиктивного, спекулятивного капитала.

Неоклассика на этом этапе подвергается критике, особенно в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2007-2009 гг., который повлек за собой такие фундаментальные трансформации, в результате которых мировая политика становится более непредсказуемой, более неопределенной и более опасной.

Вполне справедлива критика современной экономической теории, так как она, во-первых, не дает ответов на вопросы: «Какова природа современного глобального социально-экономического

⁸ Милтон Фридман родился в 1912 г. – один из крупнейших авторитетов в современной экономической науке, глава «новой монетаристской школы», лауреат Нобелевской премии по экономике за 1976 г.

кризиса и как из него выйти?»; «Как преодолеть существующий и всевозрастающий разрыв между развитыми и развивающимися странами и уровнями жизни в них?». Во-вторых, значительное количество терминов, вошедших в научный оборот, до сих пор не нашли соответствующего теоретического обоснования. Наука не имеет обоснованных показателей измерения для таких понятий (категорий), как «информация», «качество жизни» и др. Общее положение неоклассики в структуре современной экономической науки стало предметом противоречивых оценок.

Находясь в поиске адекватности собственных изменений реалиям глобализирующего мира, экономическая наука пребывает в условиях усложняющейся действительности, накопления противоречий. Научная полемика о необходимости разработки нового подхода к социально-экономическим проблемам и формирования новой методологии ведется среди экономистов не один год. Посткейнсианцы, эволюционисты и иные критики исходных установок мейнстрима, отвергая неоклассическую модель, порой не в силах противопоставить ей убедительную альтернативу. Альтернативные разработки неортодоксальных течений и школ в сфере микро – или макротехории пока что касаются, по сути своей, лишь отдельных частных и не складываются в научную систему.

Джон Эванс и Дэвид Котс отмечают: «Глобальный финансовый и экономический кризис делает необходимым фундаментальный пересмотр преобладающей парадигмы в экономической политике... Нельзя ожидать от возвращения к политике, провалившейся в условиях бума, что она возвратит глобальную экономику на путь роста после весьма глубокой рецессии» [8, с. 31].

Новая парадигма сможет появиться в результате процесса разрешения философских, общенаучных и экономических проблем. Но когда она появится и будет принята научным экономическим сообществом, то станет ядром теории и методологии, инструментом разрешения назревших научных проблем. Разработка новой парадигмы экономической науки позволит поднять весьма плодородный пласт экономической мысли.

В контексте данной статьи мы осуществили исторический анализ экономической теории и пришли к выводу, что вся история экономической науки свидетельствует о постоянном внимании ученых-экономистов к парадигмальному развитию экономической теории. Изучение истории экономической мысли в целом и ее альтернативных течений в особенности становится чрезвычайно актуальным для того, чтобы выйти из затянувшегося кризиса экономика. Очень важно, что современные ученые, наконец, признали идеологический характер экономической теории. Он является имманентным свойством фундаментальных общественных наук, поскольку общество не существует без идеологии, но нельзя оставить одну идеологию и выхолостить науку.

Отвечая требованиям возникшей теоретической и методологической проблемы, можно, считаю, определить суть новой парадигмы социально-экономического развития – это переход к обществу высокой нравственности, качества жизни и устойчивого развития. В связи с этим и представляет интерес разработка теоретической экономики как нового научного направления, «вбирающего» идеи предшественников в русле полиметодологического подхода [9, 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Schumpeter, J. History of Economic Analyses / J. Schumpeter. – N.Y., 1954.
2. Ойкен В. Основы национальной экономики : [пер. с нем.] / В. Ойкен ; [предисл. В. Автономова, В. Гутника ; послесл. В. Освальта]. – Москва : Экономика, 1996. – 349 с. – (ЭН Экономическое наследие).

3. The New Palgrave: A Dictionary of Economics. – L., Macmillan, 1987.
4. Козлова К.Б. Институционализм в американской политэкономии : идейно-теоретические основы либерального реформизма / К. Б. Козлова ; отв. ред. И. М. Осадчая ; АН СССР, Ин-т мировой экономики и международных отношений. – Москва : Наука, 1987. – 214 с.
5. Гребеник В.В. Новая парадигма военно-экономической науки как фундамент обеспечения национальной и экономической безопасности / В. В. Гребеник // ЭПОС. – 2012. – № 2. – С. 41–45.
6. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; [пер. с англ. И. З. Налетов и др.]. – Москва : АСТ, 2001. – 605 с.
7. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. / Ф. А. фон Хайек ; пер. с англ. М. Б. Гнедовского. – Москва : Экономика : МП Эконом, 1992. – 176 с. –(Экономисты-лауреаты Нобелевской премии).
8. Evans J. Exiting from the Crisis: Towards a Model for More Equitable and Sustainable Growth / John Evans, David Coats // International Politics and Society. – 2011. – № 2. – P. 22–31.
9. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как журнал и научное направление [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.theoreticaleconomy.info>
10. Гордеев В.А. Конкуренция как предмет изучения теоретической экономики на очередной конференции в Ярославле [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.theoreticaleconomy.info>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЛЕМЕЩЕНКО П.С., ШУМСКИХ Е.В. «ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», кафедра экономической теории
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vikorn1@rambler.ru

Авторы рецензируемой монографии – член редколлегии нашего журнала «Теоретическая экономика», доктор экономических наук, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), профессор, действительный член Академии философии хозяйства Петр Сергеевич Лемещенко вместе с соавтором Еленой Владимировной Шумских – посвящают свою работу, считаем, весьма актуальной теме¹. Ведь информация и информатика на глазах меняют всю нашу жизнь в самом широком смысле слова вплоть до появления на корабле истории нового экипажа человеческой цивилизации с рядом еще невиданных и недостаточно понятных признаков. Меняются и общественное производство, воспроизводство. Осмыслению того, что в них происходит под воздействием информации и информатики, и могла бы помочь рецензируемая книга, изданная в столице республики Беларусь.

В ней теоретически (и, добавляют авторы, эмпирически) рассматривается сам феномен экономической информации, включая специфику ее проявления на разных уровнях хозяйствования, а также развитие рынка информации. Наконец, прорабатывается институциональная модель рынка информации республики Беларусь.

Читатели книги, недостаточно сведущие в превращении информатики из малозаметной Золушки, прислуживающей всем сферам деятельности социума, в королеву современности, могут воспользоваться сжатым, но содержательным научно-историческим экскурсом, данным в 1.1. Здесь

¹ Лемещенко П.С. Информационная экономика Республики Беларусь в контексте мировых тенденций развития [Текст] / П.С. Лемещенко, Е.В. Шумских. – Мн.: Мисинта, 2013. – 96с.

обобщены отобранные авторами в историко-логической последовательности основные вехи процесса, показаны вклады корифеев, рассмотрены достоинства и недостатки разных методологических подходов к проблемам. Авторы примкнули к синтетической версии комплексного многоуровневого подхода, «учитывающего в совокупности имеющиеся предшествующие направления, и ориентирующегося на целостность доминирующего информационного образа в воспроизводственном процессе» (с. 4). В соответствии с этим и сама информация – «это упорядоченная совокупность сигналов, включенных в процесс их получения, осмысления и оценки субъектом в целях реализации им определенных функций» (там же). Своим же непосредственным предметом исследования авторы видят эволюцию, структуру и измерения информационного процесса в целом и рынка информации Республики Беларусь в частности. При такой постановке авторы не могли избежать теоретико-экономических обобщений, которые представляют главный интерес для читателей нашего журнала и сосредоточены, в основном, в 1.2. Научная значимость этих обобщений усиливается тем, что принимались во внимание изменения структуры экономики в связи с новыми технологическими толчками, начавшимися в 1990 году, тенденциями доминирования научно-информационной составляющей в экономике, активным распространением ИКТ, формированием глобальных и сетевых информационных потоков. Все эти изменения породили систему современных выражений роли информации в экономике, включающую:

1) Высокую долю информационного сектора в добавленной стоимости и экспорте развитых стран.

2) Развитие постиндустриальной экономики, 4 и 5 технологических укладов с научно-информационной составляющей: производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений инфотелекоммуникаций, космических технологий.

3) Изменение механизма и траектории технического прогресса, новое качество взаимодействия техник, технологий и экономики, образование синергетического эффекта совпадением амплитуд экономических циклов и доминирующего информационного цикла (полагаем, с положением о доминировании информационного цикла авторы поспешили: нам представляется достаточно очевидно доминирующее значение цикла оборотов основного капитала).

4) Новое в форме и структуре общественного богатства: натурально-имущественная и стоимостная уходят в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину замыкает богатство информационное.

5) Шире диапазон удовлетворения предпочтений потребителя (электронная коммерция и расчеты увеличивают информационный обмен, оборот сделок и т.д.).

6) Возвышение информационных потребностей людей, домохозяйств, фирм, корпораций и общества с его институтами. Формируется единая информационно-коммуникационная система, включающая все большее количество государств.

Все это убедительно, – за исключением, может быть, тезисов о «спрессовании времени» (с. 19), которое, конечно, никаким воздействием людей не поддается, но может гигантски экономиться благодаря быстрдействию информационных технологий, а также о «доминировании» информации над другими факторами производства (с. 22). Все эти положения далее получают развитие в идеях авторов об информации как экономической категории.

С авторами книги трудно не согласиться, когда они, прежде чем обратиться к содержанию информации как экономической категории, обсуждают толкование таких производных от экономической информации понятий, как информационный продукт, информационные товар и услуга, информационная экономика и информационная среда. Но нам непонятно, почему авторы

оставили без внимания другую столь же (или даже более) логически значимую ступеньку своего же исследования: они прямо и четко не объяснили читателям своего понимания экономической категории. Между тем широко известно, что теоретически и методологически вопрос этот непростой, в литературе представлены разные позиции. Тем самым авторы волей-неволей затруднили и своих читателей в понимании некоторых моментов содержания книги, и саму дискуссию по этим моментам. Им пришлось раскрывать содержание экономической категории информации, оставив читателей в неведении, как же они понимают саму экономическую категорию, каким именно обобщением действительности она является. Созданную ими самими же логическую трудность авторы перекрывают перечнем основных свойств информации как экономической категории.

Первое такое свойство авторы видят в том, что информация является фактором (даже доминирующим) производства наряду с трудом, капиталом, землей и предпринимательскими способностями. Нам представляется, что здесь требуются более развернутые и тщательные поиски, обоснования. Ведь информация – нематериальное благо – сама по себе не переформирует вещество природы, материально не воздействует на него, как это делают классические факторы: труд, его средства и предметы. Не облегчаем ли мы себе исследование проблемы, ставя мощное присутствие-функционирование информации в разнообразных сферах общества и экономики в один ряд с обычными процессами физического создания «тела» продукта?

К другим свойствам (признакам?) информации как экономической категории авторы относят формирование ею информационной экономики с интенсивным «информационным» типом экономического роста, в которой информационный сектор порождает свои производительность труда и добавленную стоимость; обретение информацией статуса готового товара, обладающего стоимостью и потребительной стоимостью и подлежащего купле-продаже; новое экономическое поведение субъектов экономики, порожденное погруженностью в информационные технологии; несоотнесимость информационного обмена с законами стоимости, спроса и предложения, «так как участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений» (??); отсутствие феномена убывающей доходности; формирование у экономических агентов специфических экономических ожиданий; создание компаниям, применяющим информационные технологии, конкурентных преимуществ; фактор стимулирования инвестиций.

Данный перечень научно ценен сам по себе: он весьма широко и в то же время концентрированно охватывает главные сферы экономических применения и значения информации. Его конструктивное значение и в том, что он рождает у читателей немало полезных для развития науки вопросов, способствует созданию проблемных теоретических ситуаций. Действительно, если все перечисленное определяет содержание информации как экономической категории, то как ее, экономическую категорию, определить, в чем ее особая роль как ступени познания объективного мира, если ее емкие рамки могут вместить и факторы производства, и экономическое поведение, и формирование ожиданий, и все остальное? В чем и почему отходят авторы от преобладающего понимания экономической категории? Как объяснить логическую корректность мнения авторов (и ряда других экономистов) о наличии у информации стоимости при ее несоотнесимости с законом стоимости?

К сожалению, книга содержит лишь весьма краткие упоминания о стоимости и законе стоимости применительно к информатике, отражающие мнения, доминирующие в литературе. Между тем авторами затронут сложившийся здесь в науке, нам думается, парадокс стоимости. По мнению авторов рецензируемой книги, стоимость информации связана с «идеей цены» (с. 22) (как известно, немало вещей, даже не имея стоимости, обладают ценой, но никак не «идеей цены»). Однако, наряду с этой «идееценовой» стоимостью в информации с полной определенностью всегда заключено общественное рабочее время, потребовавшееся на ее создание-производство, и по мере

становления информационной экономики такого заключающегося в ней времени все больше. Сам собой встает вопрос: почему это не стоимость? Ведь в фактической экономике реальные стоимости могут выражаться, причем не единожды, а многократно, и в неэквивалентных обменных отношениях. Авторы не раскрыли своей позиции. Но обнажение ситуации, подведение к серьезным вопросам – это тоже развитие науки.

Для экономистов, более специально изучающих информацию, представит интерес разработка авторами проблем ее классификации. Имея дело со множеством подходов, индивидуализаций, авторы обобщили ее виды как количественные, качественные, по уровням экономики, по степени воздействия на потребителя, управляющую и т.д. Здесь, по-видимому, читатели неоднозначно воспримут мнение авторов, что расширение и усложнение классификационного деления информации – момент, относящийся к ее характеристике как экономической категории (с. 25).

На рассмотренные выше положения первой главы теоретически опираются идеи и материалы второй и третьей глав. Они, в основном, посвящены специальному отраслевому анализу информации и информатики в целом и в республике Беларусь в частности, но содержат и некоторые значимые теоретико-экономические обобщения. Так, в 2.1 привлекает внимание рассмотрение авторами многочисленных определений рынка информации с обобщением, что же такое рынок информации в узком и широком смысле слова. «...В узком смысле рынок информации – это сфера формирования спроса и предложения на информацию со стороны производителя, продавца и покупателя и их совокупная деятельность по организации процесса воспроизводства информации. В широком смысле, рынок информации – это совокупность социально-экономических, организационных и правовых отношений, норм и институтов, направленных на обеспечение непрерывного процесса воспроизводства и эффективного использования информации, информационных технологий, товаров и услуг» (с. 26). Становление этого рынка авторы видят не как соотносительное развитие соответствующих спроса и предложения, а как историческую последовательность развернувшихся с середины XIX века крупных научно-технических открытий, слившихся с общественным воспроизводством, вплоть до становления сети Интернет и современных сетевых отношений, электронного бизнеса и денег. Эволюция же рынка информации Республики Беларусь очень обстоятельно рассматривается в экономическом и институциональном аспектах. Причем под последним здесь имеется в виду становление рынка информации на двух уровнях: международном (деятельность международных организаций) и национальном (в Республике Беларусь).

Нам представляется уникально информативным и содержательным сконцентрированный во 2-ой главе и доведенный до сегодняшнего дня историко-экономический материал не только по рынку информации Беларуси, но и по превращению информации в важнейший фактор мирового развития с фиксацией и объяснением главных вех этого процесса, роли тех или иных международных организаций.

Сложность механизмов функционирования рынка информации побудила авторов построить ее институциональную модель с разверткой этой модели применительно к условиям Республики Беларусь. В этой модели рынок информации рассматривается как институт социально-экономической системы РБ. Модель охватывает кропотливо проработанные уровни индивида, институциональных соглашений и институциональной среды, опирается на обширные фактические данные, цифровую базу.

Авторы завершают книгу (с. 52-71) главой, посвященной инструментам измерения, планирования и регулирования рынка информации в Беларуси. Это – совершенно новаторская часть работы: пока еще, как нам известно, не существует каких-либо методик, не предпринято попыток измерения как мирового рынка информации, так и рынка информации отдельной страны. Здесь богатый конкретно-экономический материал украшен целым рядом оригинальных авторских разработок соответствующего измерительного инструментария.

Таким образом, содержание рецензируемого издания позволяет рекомендовать книгу сразу двум категориям потенциальных читателей. Во-первых, тем, кто хочет узнать, что такое экономическая информация в современных хозяйственных комплексах, как она в них «работает» и как измерять ее «работу». Во-вторых, тем, кто ищет теоретико-экономического категориального осмысления, обобщения принципиально новых участников-сил, феноменов современного народнохозяйственного развития, в числе которых одно из ключевых мест, несомненно, принадлежит экономической информации.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ГОРБАЧЕВА О.Г. «ДИНАМИКА СТРАХОВОГО КАПИТАЛА»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», заведующий кафедрой экономической теории, действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии *Metaepistemia Universum*
г. Ярославль, Российская Федерация. E-mail: vagordeev@rambler.ru

Рецензируемая монография докторанта кафедры экономики ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова» Олега Геннадьевича Горбачева посвящена исследованию сущности и содержанию страхового капитала, его экономической природы и генезиса¹. В книге раскрываются экономические интересы хозяйствующих субъектов на рынке страхового капитала, институциональное обеспечение функционирования страхового капитала.

В первой части, на основании проведенного анализа существующих определений страхового рынка, которые давались различными исследователями применительно к решению собственных научных и практических задач, автор обосновано, что рассмотрение страхового рынка в отрыве от социально-экономических, политических и правовых структур, играющих значительную роль в функционировании рынка страховых услуг, не представляет значительного интереса. Далее автором сделана попытка уточнить определение экономической категории «страховой рынок» с учетом специфики, присущей страхованию как части инфраструктуры рыночной экономики, с позиций институциональной теории. Автор полагает, что страховой рынок представляет собой совокупность различных институтов и соответствующих им механизмов, созданных в целях снижения транзакционных издержек, ограничивающих и структурирующих поведение экономических агентов по поводу создания, купли-продажи и потребления страховых услуг (с. 7-13).

Используя принципы структурного анализа, автор дает свое понимание сущности страхового капитала, справедливо отмечая, что страховой капитал – единственный капитал, в основе которого лежит общий принцип борьбы со случайными опасностями, угрожающими или самому субъекту, или его богатству. Правда, несмотря на обширный обзор составляющих страхового капитала, его функций в разрезе экономических отношений (с. 15-29), анализ сущностных свойств страхового капитала, проведенный автором монографии, нельзя считать достаточно полным, поскольку не рассмотрена его взаимосвязь с другими формами капитала (как в рамках классической, так и неоклассической теории), не исследованы объективные механизмы, приводящие к необходимости обособления понятия «страховой капитал».

Далее автор рассматривает инфраструктуру страхового рынка, которая определяется как множество организаций, повышающих эффективность страховой деятельности, но не занимающихся собственно страхованием (стр. 50). Исследуя причинно-следственные связи различных процессов в экономике, автор убедительно показывает, что развитие страхового рынка определяется динамикой производства и потребления услуг (с. 54-60).

Во второй части монографии дается разносторонний анализ существующих в настоящее время

¹ Горбачев О.Г. Динамика страхового капитала [Текст] / О.Г. Горбачев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 400 с.

методик оценки эффективности страховых компаний, приводится обширный статистический материал, на основании которого автор делает обоснованный вывод, что основной целью деятельности страховщика является воспроизводство страхового капитала (с. 61-85). Значительное внимание уделено структурному анализу страхового капитала (с. 87-105) в динамике (2010-2012 гг.). Довольно подробно (с.105-131) исследованы издержки страховой компании и рассмотрены различные варианты организационных структур. Вывод, сделанный автором по результатам этого рассмотрения вполне ожидаем – неконтролируемые издержки и внутренние противоречия организационной структуры могут оказать угнетающее воздействие на страховой капитал.

В третьей части работы дан обстоятельный обзор возникновения и развития страховых экономических отношений (X-XX вв.) в национальной экономике. Автор убедительно показывает, что возникновение страховых экономических отношений стало возможным только в конкретных исторических условиях – когда рыночные отношения достигли того уровня, при котором ущербы различной природы стало возможно оценивать с помощью универсального эквивалента – денежных средств. Развитие товарно-денежных отношений, в свою очередь, предопределило возникновение страхового капитала как денежных общественных фондов. На базе ретроспективного анализа автором установлено, что интеграция страхового капитала в экономические отношения являлась одним из факторов развития национальной государственности (с. 132-157).

В начале четвертой части монографии (с. 185-223) подробно описана история национального государственного регулирования на рынке страхового капитала, обозначены противоречия и недостатки на рынке страхования в целом, сделан правомерный, по моему мнению, вывод о необходимости развития институтов перестрахования, ввиду недостаточного веса страхового капитала в национальной экономике. Несомненный интерес вызывает классификация страхователей по экономическим интересам (мотивациям). Автором обоснованно делается вывод, что мотивация страхователей, определяющих их страховое поведение, является важным фактором, влияющим на динамику страхового капитала (с. 224-239).

В пятой части, на основании обширного и всестороннего анализа автор показывает, что в мировой экономике страховой капитал выступает как драйвер экономического роста ввиду большого инвестиционного потенциала этого ресурса (с. 240-260). Заслуживает внимания анализ специфических свойств страховой услуги; в частности, автором справедливо отмечено, что процесс продажи страховой услуги предшествует ее производству (с. 264).

Шестая часть посвящена, в основном, обзору большого количества литературы по теме организационной и инфраструктуры страхового рынка, включая внутренние противоречия организационной структуры страховой компании (с. 298-326). Далее автором предпринята попытка описания страховых экономических интересов на базе институциональной теории, которая, однако, оставляет ощущение некоторой незавершенности. Тем не менее, проведенная автором классификация рисков на «страховые» и «нестраховые» (с. 340-341) является необходимым шагом к более глубокой теоретической проработке объекта страховых отношений.

В целом, можно сказать, что монография содержит богатый и разносторонний материал, раскрывающий структуру и функции страхового рынка, роль и место страхового капитала в сложной и многообразной «паутине» страховых экономических отношений. Считаю, что книга Горбачева О.Г. представляет большой интерес для тех исследователей теоретической экономики, научный интерес которых лежит в очень интересной области экономики – страховании.